

Григорий Ву

Александр Вдовин

№ 24 / 119

СРЕДНЕАЗІЯТСКІЯ ДѢЛА.

2004175244

Дозволено цензурой. Москва, 20 августа, 1865 г.

(Изъ 25 № газеты «День»)

Въ типографии Бахметева.

Наши среднеазіятскія дѣла.

I.

Извѣстіе о взятіи штурмомъ Ташкента не могло быть для насъ новостью. Люди, нѣсколько знакомые съ дѣлами нашими въ Средней Азіи, давно уже были увѣрены, что рано или поздно городъ этотъ будетъ въ нашихъ рукахъ; что ставъ уже разъ твердою ногой въ рѣчной области Сыра, намъ необходимо было занять важнѣйшія и въ стратегическомъ значеніи и по торговлѣ мѣстности. У насъ нѣтъ подъ руками свѣдѣній, чтобы положительно и утвердительно сказать, на сколько новое пріобрѣтеніе своевременно. Извѣстія, сообщаемыя о причинахъ, побудившихъ генерала Черняева выбить Коканскій гарнизонъ изъ Ташкента, говорятъ слишкомъ убѣдительно въ пользу необходимости такого наступательнаго и рѣшительнаго движенія, возлагающаго новыя заботы и новые труды на наши храбрыя и неутомимыя войска, потому что держать въ своихъ рукахъ такой важный и населенный городъ съ 80,000 душъ жителей, какъ Ташкентъ, дѣло не шуточное, требующее издержекъ и значитель-

ныхъ силъ. Но имѣя все это въ виду, сознавая ясно все затрудненія и все предстоящія издержки, насъ невольно поразило извѣстіе, что *выбивши изъ Ташкента Коканцевъ, войска наши снова очистятъ Ташкентъ*. Менѣе всего въ состояніи понять такого рода дѣйствія сами Азіяты; въ глазахъ ихъ оставленіе нами Ташкента будетъ признакомъ нашей слабости. Въ головѣ Азіятца не можетъ улечься мысль, что *Урусъ*, взявши городъ и выгнавъ гарнизонъ, добровольно и великодушно выйдетъ, предоставивъ Ташкентцамъ защищаться самимъ отъ Коканцевъ и отказываясь отъ такого жирнаго въ глазахъ всѣхъ пріобрѣтенія. Азіятецъ скажетъ, какъ сказалъ разъ Киргизскій султанъ Джангазы, что Россія дѣйствуетъ вяло. Коканцы непрерывно будутъ дѣлать попытки овладѣть снова Ташкентомъ—это не подлежитъ сомнѣнію. Не чужды всему этому движенію и Бухарцы. Наши купцы получили положительныя извѣстія о враждебныхъ намъ продѣлкахъ Бухарскаго эмира, о взятіи имъ Хаджепта въ Коканѣ и наступательныхъ дѣйствіяхъ на Ташкентъ; Бухарскіе купцы задержаны въ Оренбургѣ, а нѣкоторыя мелкія подробности, вскользь и урывками до насъ доходящія, заставляютъ предполагать, что во всемъ дѣлѣ замѣшалась рука опытная, что поощренія идутъ издалека, руководимыя дальновидною и зоркою политикой. Нашъ добрый пріятель Джонъ Буль, съ такимъ добродушіемъ увѣряющій насъ заодно съ газетою «Голосъ», что Россіи гораздо будетъ выгоднѣе бросить свои мануфактуры и одѣваться въ Англійскія ткани, занявшись исключительно

продовольствіемъ Англійскаго брюха, не дремлетъ, и частою сѣтью своихъ политическихъ агентовъ покрываетъ Азію начиная отъ Стамбула до песковъ Кызыль-Кума. Что бы ни говорилъ почтенный Мерчисонъ касательно цивилизующаго начала нашихъ экспедицій въ Средней Азіи, какъ бы ясно ни представлялъ онъ невозможности серьезныхъ столкновеній Россіи съ Англіей—общественное мнѣніе Англіи смотритъ иначе, и каждый выстрѣлъ на берегахъ Сыра болѣзненно отзывается на берегахъ Темзы. За нами слѣдять неутомимо и лучшимъ доказательствомъ можетъ служить замѣтное улучшеніе вооруженія среднеазіатскихъ ордъ, съ которыми мы теперь имѣемъ дѣло. Давно ли еще то время, когда мы со смѣхомъ смотрѣли на Коканскія орудія, взятые подъ Ак-мечетью, давно ли еще писали люди, бывшіе въ Коканѣ и Ташкентѣ, что въ цѣломъ Коканскомъ владѣніи не болѣе 30-ти орудій, отлитіемъ которыхъ и тогда уже занимался какой-то *толстобрюхій Англичанинъ Му-стафа*, а вся остальная артиллерія состояла изъ большихъ, на верблюдовъ навьюченныхъ ружей съ фитилями (джезанлы). и вотъ теперь черезъ какія-нибудь 10 лѣтъ мы читаемъ, что взято въ Ташкентѣ 60 орудій и что Аляуль имѣлъ въ извѣстномъ дѣлѣ подъ Туркестаномъ слишкомъ 30 орудій, изъ которыхъ открытъ былъ такой частый огонь, котораго еще никогда не было, такъ какъ онъ, пишетъ очевидецъ, никогда и не имѣлъ столько орудій и столь хорошихъ. Откуда и какимъ путемъ зашли они въ Коканъ, рѣшить не трудно; нечего также считать

пустыми рассказами слухи о томъ, что Бухарскому эмиру было предложено строить пароходы на Аму. Англо-Остъ-индское правительство до такой степени проникнуто страхомъ передъ расширеніемъ Русскаго владычества въ Азіи въ областяхъ Сыра и Аму, что оно не щадитъ никакихъ средствъ для противодѣйствія ему. Агенты его проникаютъ всюду и кромѣ природныхъ Англичанъ, вѣрную службу исполняютъ для него многочисленные Афганы, являющіеся съ товарами и въ Бухару и въ Хиву. Тотъ самый Вольфъ, который въ 1850-мъ году пріѣзжалъ въ Бухару провѣдать о судьбѣ Конолли и едва успѣлъ избѣгнуть той же участи, былъ недавно въ Бухарѣ какъ офиціальнѣйшій агентъ Англіи съ письменнымъ удостовѣреніемъ отъ Турецкаго султана. На южной границѣ Бухары Кабульскій эмиръ, тайно подстрекаемый Англичанами, подчиняетъ своему вліянію Балхъ, Кундузъ и Маймане и требуетъ отъ Бухарскаго эмира Карши и Чарджуя. Поставленная въ такое положеніе, Бухарія не можетъ смотрѣть безбоязненно на замыслы Англичанъ; но успѣхи наши въ Коканѣ и взятіе Туркестана съ Ташкентомъ заставляютъ ее подозрительно смотрѣть на движеніе Русскихъ. Силою обстоятельствъ здѣсь, въ области Аму и Сыра, должна теперь разыгрываться темная подземная борьба двухъ великихъ государствъ за преобладаніе въ Средней Азіи. Обѣ онѣ зашли далеко, а возвратъ и отступленіе одинаково трудны и невозможны для обѣихъ. Интересы коммерческіе и политическіе заставляютъ и Англію и Россію держаться крѣпко за Среднюю Азію, а въ Азіи

болѣе, нежели въ Западной Европѣ, торговые интересы суть вмѣстѣ съ тѣмъ интересы политическіе. Караванные пути—это въ одно и то же время пути военные, и имѣя въ своихъ рукахъ главные, природой и установившимися обстоятельствами рѣзко отмѣченные пункты, каждое изъ соперничающихъ государствъ можетъ смѣлѣе рассчитывать на преобладаніе. Лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить исторія борьбы за Херать. На границѣ Афганскихъ и Персидскихъ владѣній лежитъ Херать, одно изъ важнѣйшихъ средоточій для караванной торговли внутренней Азіи. Херать расположенъ въ прекрасной долинѣ, обильной водой и всѣми необходимыми для каравановъ средствами, и благодаря своему удобному мѣстоположенію на одинаковомъ разстояніи отъ Кермана и Езда, Мешхеда и Бухары, Балка и Кандагара, онъ служитъ главнымъ сборнымъ мѣстомъ для каравановъ. Черезъ Херать идетъ главный и самый удобный путь отъ Каспійскаго моря въ Кандагаръ и отсюда въ Индію. Херать въ отношеніи къ Персіи играетъ ту же роль, какую играетъ Бухара въ отношеніи къ Россіи. Онъ образуетъ собою центръ, гдѣ сходятся всѣ важнѣйшіе торговые пути центральной Азіи въ направленіи отъ востока къ западу. Всѣ остальные пути ведутъ черезъ Гиндукушъ и сопряжены съ величайшими затрудненіями. Имѣя же Херать въ своихъ рукахъ, имѣешь легкій доступъ въ Афганистанъ, который служитъ преддверіемъ въ Индію и укрѣпленіе котораго за собой было постояннымъ стремленіемъ Англіи, увѣнчавшимся пол-

мнѣ успѣхомъ. Извѣстно, что Персидскій шахъ занялъ Херать въ 1856-мъ году, и всѣ Англіискія газеты громко протрубили на всю Европу объ интригахъ Россіи. Кто знаетъ, можетъ быть Англичане сами подбили Персидское правительство пойти на Херать съ тѣмъ, чтобы потомъ имѣть полное право защищать его и сдѣлать извѣстную демонстрацію, результатомъ которой былъ трактатъ 4-го Марта 1857 года, по которому Персія должна была отказаться отъ всякихъ притязаній на Херать, признавъ его самостоятельность и обязавшись, въ случаѣ какихъ-либо неудовольствій или недоразумѣній между Персіей и Афганами, прибѣгать исключительно къ посредничеству Англіи. Обезпечивъ себя такимъ договоромъ, Англія обезпечила вмѣстѣ съ тѣмъ и свои Индійскія владѣнія. Херать въ рукахъ Афгановъ—это передовой и оборонительный ея постъ у входа въ Индію, прекрасно въ настоящее время укрѣпленный Англійскими инженерами. Этотъ же самый договоръ парализуетъ въ настоящее время всякую возможность диверсіи противъ Англійскихъ владѣній въ Индіи со стороны Персіи, обязавшейся никогда впредь не посягать на Херать; такъ что цѣлая Европа съ полнымъ правомъ смотрѣла на трактатъ 4-го Марта, какъ на величайшее торжество Англійской политики въ Азіи и на ослабленіе вліянія соперничающей съ нею въ дѣлахъ Средней Азіи державы. Англія вообще не охотно и только вынужденная крайнею необходимостью приступаетъ къ расширенію своей территоріи въ Индіи и къ окончательному завоеванію новыхъ областей. Для нея гораздо

выгоднѣе окружать свои границы цѣпью независимыхъ властителей, которые бы были ея послушными подручниками, служили бы оплотомъ ея владѣній и вѣрнымъ рынкомъ для сбыта ея товаровъ. Англійское правительство очень хорошо понимаетъ, въ чемъ состоитъ его слабость. Какъ ни громадны его успѣхи въ Индіи, какъ широко ни раскинулись ея владѣнія, но врядъ ли удастся когда-либо Англіи сколотить свое Остъ-индское государство въ одно цѣлое, и внести въ него порядокъ и спокойствіе. Слишкомъ разнообразны и разнохарактерны элементы его составляющіе, и слишкомъ чужда всѣмъ симъ народностямъ и ненавистна власть надъ ними тяготѣющая. Власть эта можетъ поддерживаться неумолимою строгостью, кровавыми мѣрами, но все это до поры до времени и малѣйшая мѣра, брошенная ловко обдуманною политическою интригой, можетъ зажечь такой пожаръ, который въ состояніи уничтожить—въ теченіи 150 лѣтъ воздвигаемое зданіе Англійскаго могущества въ Индіи. Мы это видѣли во время послѣдняго Индѣйскаго возстанія, когда Англо-Остъ-индское правительство съ трудомъ держалось въ Калькутѣ, въ Президентствѣ Мадрисскомъ и Бомбейскомъ, и когда генераль Гирси (Hearsey) писалъ, что ежели не скоро придутъ значительныя Англійскія подкрѣпленія изъ Египта и не позаботятся о запасахъ каменнаго угля для непрерывнаго движенія пароходовъ съ подкрѣпленіями между Суэцомъ и Индіей, то дѣла примутъ гибельный оборотъ, и чтобы это передали отъ его имени Англійскому народу.

Весьма естественно, почему Англія всѣми силами старается обезпечить себя со стороны ближайшихъ магометанскихъ сосѣдей и парализовать наше вліяніе на среднеазіятскія владѣнія. Ей во что бы то ни стало хочется связать намъ руки и задержать распространеніе нашего вліянія на сосѣднія намъ владѣнія Турана. Еще во время Хивинской экспедиціи генерала Перовскаго въ 1839 году, агенты ея предлагали Хивинскому хану отдаться подъ покровительство Англіи. Относительно Бухары положеніе Англіи нѣсколько щекотливѣе. Здѣсь происходитъ для нея весьма невыгодное столкновеніе интересовъ ея Афганскихъ подручниковъ съ интересами Бухарскаго эмира, который съ большимъ негодованіемъ и озлобленіемъ смотритъ на Англичанъ и занятіе ими городовъ Балха, Кундуза и Маймане. Трудно себѣ представить, чтобы Бухарскій эмиръ прельстился какимъ бы то ни было льстивымъ общаніемъ *Кучукъ-Инглиза*, сосѣдство котораго такъ явно дѣйствуетъ въ ущербъ его интересамъ, и намъ кажется, что такимъ выгоднымъ стеченіемъ обстоятельствъ слѣдовало бы намъ всячески воспользоваться. Постоянно и твердо поддерживая свое достоинство, ни на шагъ ни въ чемъ не уступая, мы должны были бы указывать ему осязательно на всѣ выгоды союза съ нами, и выгоды не воображаемыя, но дѣйствительныя. До насъ дошли слухи, что скоро прибудетъ въ Россію Бухарскій посолъ. Намъ кажется, что его не слѣдовало бы дѣлать до Петербурга, но предоставить вести съ нимъ переговоры мѣстному пограничному представителю верховной власти. Намъ должны, кажется, давно уже надоесть всѣ посоль-

ства, ровно ни къ чему не ведущія и скорѣе роняющія достоинства Россіи въ глазахъ Азіятцевъ. Ни одно наше желаніе, ни одно законное требованіе не было до сихъ поръ удовлетворено и ни одинъ Русскій подданный, не смотря на всѣ посольства, не можетъ считать себя въ Бухарѣ безопаснымъ, ни одна обѣщанная торговая льгота не была выполнена. Съ Азіятцемъ нечего трактовать иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ и схвативъ его за горло. Азіятцу много чести посылать своего посла въ Петербургъ. Пусть эмиръ знаетъ пограничнаго сердаря Оренбургскаго или Ташкентскаго, у котораго должно быть полномочіе вести переговоры и даже, въ случаѣ нужды, строго наказывать, ежели Бухарцы не стануть держать имени Императорскаго Величества «честно и грозно».

Бухарцы ни съ кѣмъ такъ выгодно не торгуютъ, какъ съ нами, никуда не могутъ съ такими барышами сбыть свой товаръ, какъ въ Россію, ни отъ кого не получаютъ такъ выгодно предметы первой необходимости, какъ изъ Россіи. Съ другой стороны, изъ всѣхъ среднеазіятскихъ государствъ—это самый богатый рынокъ для сбыта нашихъ мануфактурныхъ издѣлій. О такомъ базарѣ и объ удержаніи его въ нашихъ рукахъ умною и энергическою торговою политикою слѣдовало бы давно позаботиться.

Но какъ ничтожны, повторяютъ намъ постоянно, обороты среднеазіятской нашей торговли, сравнительно съ объемомъ нашей торговли съ Западною Европой. Обороты послѣдней считаются сотнями милліоновъ, тогда какъ обороты всей нашей среднеазіятской торговли считаются

только десятками. И тѣмъ не менѣе наши промышленные люди непрерывно говорятъ о среднеазіатскомъ базарѣ и на этотъ вѣрный для сбыта издѣлій нашей мануфактурной промышленности базаръ,—обращено постоянно ихъ вниманіе. Въ послѣднее же время рынокъ сей получилъ громадное для насъ значеніе вслѣдствіе усилившагося привоза хлопка, который, почти навѣрно можно сказать, не прекратится, а увеличится, ежели только всѣ необходимыя для того мѣры будутъ приняты, ежели въ этомъ дѣлѣ дружно и согласно, рука объ руку будутъ идти и наша торговая политика и наше промышленное сословіе. Должно замѣтить, что значеніе той или другой отрасли торговли вовсе не опредѣляется исключительно только бѣльшимъ или меньшимъ объемомъ ея, переложеннымъ на деньги, но скорѣе и вѣрнѣе тою промышленною жизнью, которую вызываетъ эта торговля, оказывая благотворное вліяніе на весь бытъ и благосостояніе жителей; дальновидная же и умная торговая политика обязана дорожить каждымъ уголкомъ, гдѣ успѣла народная промышленность насидѣть себѣ мѣсто и найти себѣ выгодный и вѣрный сбытъ.

Мы отправляемъ въ Среднюю Азію нашихъ издѣлій на сумму около 5 милліоновъ, и если взять въ расчетъ, сколько тысячъ народа зарабатываютъ себѣ и пропитаніе и довольство, сколько занято извозомъ, и сколько этимъ промышленнымъ народомъ можетъ постоянно завоевываться новыхъ потребителей для произведеній нашей промышленности, то понятнымъ становится это постоянное и неуклонное стремленіе на-

шего торговаго и промышленнаго люда на Азіятскій базаръ, который гораздо былъ бы вѣрнѣе въ нашихъ рукахъ и намъ прибыльнѣе, если бы на него обращено было постоянно вниманіе, если бы наши торговые интересы неуклонно ограждались, и если бы во всѣхъ мѣрахъ нашей торговой политики проводилась одна строго-опредѣленная система.

Къ сожалѣнію мы не всегда встрѣчали этой необходимой энергіи въ преслѣдованіи нашихъ торговыхъ интересовъ; мы, на оборотъ, видѣли чаще какое-то непростительное равнодушіе и—что всего грустнѣе и вреднѣе—какой-то тупой антагонизмъ со стороны административныхъ властей нашимъ смѣлымъ, умнымъ и дѣятельнымъ торговымъ людямъ. Много можно было бы привести тому доказательствъ, но мы позволимъ себѣ привести одинъ образчикъ, ближе всего касающійся нашего предмета. Въ прошломъ году читатели «Московскихъ Вѣдомостей» вѣроятно замѣтили Оренбургскую корреспонденцію, сообщавшую о похоронахъ представителя одной изъ замѣчательнѣйшихъ въ дѣлѣ нашей среднеазіятской торговли купеческихъ фирмъ, Н. М. Дѣева. На отпѣваніе его тѣла стеклось до 3000 человекъ, въ томъ числѣ Киргизы, Татары и другіе магометане. Къ слѣдъ за тѣмъ можно было прочесть въ 48 № «Торговаго Сборника», некрологъ покойнаго, написанный мастерскою рукою и, какъ ясно видно, знатокомъ Оренбургскихъ нашихъ дѣлъ. Некрологъ этотъ явно показываетъ какъ мало наша администрація умѣетъ иногда цѣнить людей, и съ какими затрудненіями приходится бороться частному

лицу въ его стремленіяхъ на пользу роднаго края, какъ часто бываетъ ему легче, можетъ быть, провести дѣло полезное для Россіи — въ степи или въ самой Бухарѣ, нежели въ канцеляріяхъ или въ департаментахъ.

«Основаніе торговому дому Дѣвыхъ, читаемъ мы въ некрологѣ, положилъ отецъ покойнаго М. С. Дѣвъ. Торговалъ онъ по преимуществу съ Киргизами, снабжая ихъ Русскими товарами въ обмѣнъ на барабаны и другія произведенія степнаго хозяйства. Умѣнемъ сойтись и ладить съ этими добродушными и образцово-честными, но легкомысленными кочевниками сильно подвинулъ онъ впередъ и закрѣпилъ торговыя связи наши съ Зауральскою степью.

«Сношенія его съ Киргизами содѣйствовали къ умиротворенію ихъ, обузданію и сближенію съ Русскимъ народомъ, конечно несравненно болѣе, чѣмъ всѣ административныя мѣры къ тому направлявшіяся. Безоружный забирался онъ къ нимъ въ самую глубину дикой степи, куда не могло еще проникать оружіе; для нихъ же въ Оренбургѣ домъ его служилъ постояннымъ сборищемъ и пріютомъ; безъ совѣта съ «Мишенькой», имя котораго живо въ степи и до сихъ поръ, не предпринималось въ ней ничего важнаго. Старикъ Дѣвъ являлся для кочевниковъ олицетвореніемъ Русскаго элемента — пользовался величайшимъ довѣріемъ у всѣхъ родовъ средней и западной части Зауралья. Значеніе старика Дѣва умѣли поддерживать и даже расширить два старшіе его сына, выросшіе въ степи, между Киргизами съ дѣтства и

знакомые съ языкомъ ихъ какъ съ своимъ природнымъ. Этого значенія въ степи не могли простить Дѣвымъ нѣкоторыя Оренбургскія власти, завидовавшія вліянію ихъ въ степи вмѣсто того, чтобы радоваться вліянію, прибрѣтенному Русскими людьми у враждебныхъ намъ дотолѣ кочевниковъ,—хотя въ тоже время эти самыя власти прибѣгали постоянно за совѣтами къ Дѣвымъ, и пользовались ихъ услугами, содѣйствіемъ и указаніями. Намъ не разъ удавалось слышать въ Оренбургѣ, что Хивинская экспедиція вѣроятно имѣла бы иной исходъ, если бы послушалась совѣта Дѣвыхъ. Связь Дѣвыхъ съ Киргизами, и участіе, которое они постоянно принимали во всѣхъ степныхъ начинаніяхъ, содѣйствовали весьма много успѣхамъ нашего водворенія въ Зауральѣ, потому что на нихъ возлагалось преимущественно то, чего не сумѣли бы никогда сдѣлать чиновники ни военные, ни гражданскіе. Одинъ изъ братьевъ постоянно сопровождалъ всѣмъ большимъ экспедиціоннымъ отрядомъ въ степь во времена Обручева и Перовскаго, начиная съ первоначальнаго занятія низовьевъ Сыра въ 1847 году до похода на Эмбу въ 1855. Равнымъ образомъ не было съ 1840 года ни одного посольства нашего въ среднеазіатскія владѣнія, которыя бы при сношеніяхъ съ тамошними властями не облегчались присутствіемъ, въ составѣ своемъ, кого-либо изъ бывалыхъ и опытныхъ въ дѣлахъ съ Азіятцами прикащиковъ Дѣвскихъ. Если бы зависѣло отъ нихъ однихъ, далеко бы раздвинули они и кругъ торговыхъ сношеній нашихъ съ Среднею Азіей, но предпріим-

чивость не находила должной поддержки. Образчикомъ, какъ мало сочувствія оказываемо было ихъ попыткамъ въ этомъ отношеніи, какъ не умѣли мы защищать своихъ въ дѣлѣ совершенно правомъ, когда требовали того не только интересы коммерческіе, но честь націи и чувство челоуѣколюбія, можетъ служить извѣстный разсказъ о разграбленіи Хивинцами Дѣвскаго каравана въ 1847 году. Года же 4 тому назадъ Дѣвскій прикащикъ въ Бухаріи принялъ исламъ, чтобы завладѣть хозяйскимъ товаромъ, и Дѣвы опять-таки не получили по этому дѣлу никакого удовлетворенія. Не мудрено, что частые убытки, не въ слѣдствіе дурнаго расчета, а единственно по слабости, съ какою отстаивались въ бывшее время права Русскихъ въ Азіи, охладили наконецъ рьяность Дѣвыхъ въ этомъ направленіи».

И это не первый и можетъ быть,—отъ чего да избавить насъ Богъ,—не послѣдній примѣръ. Какою-то непростительною холодностію къ торговымъ нашимъ интересамъ, происходящею можетъ быть отъ вѣчнаго опасенія столкновеній съ Англіей, отличалась постоянно наша торговая политика. Русскіе торговые люди не только не находили себѣ содѣйствія и поощренія въ своихъ предпріятіяхъ на расширеніе и усиленіе нашей среднеазіатской торговли, но встрѣчали скорѣе противодѣйствіе. Еще не далѣе какъ года три тому назадъ, Русскій купецъ, отправлявшійся съ караваномъ въ Бухару, обратился съ просьбою о выдачѣ ему охраннаго листа, въ родѣ того, какой выдается купеческимъ старшинамъ, идущимъ съ караванами въ

западный Китай. Просьба его встрѣтила двукратный отказъ на томъ основаніи, что *торговля съ Бухарой дѣло не важное* и что изъ-за этого дѣла не стоитъ беспокоиться правительству. Русский купецъ самъ устроилъ себѣ охранный видъ. Онъ вырѣзалъ себѣ на часахъ двуглаваго орла и съ такимъ видомъ не разъ имѣлъ случай выпутываться изъ бѣды. И невольно припоминаешь, какъ въ такихъ случаяхъ обставленъ торговый людъ націи, нашей главной соперницы въ Азіи. Недавно, если не ошибаемся, годъ или два тому назадъ, помѣщено было извѣстіе въ газетахъ, что извѣстный Англокитайскій торговый домъ Дентъ думаетъ открыть агентство въ Иркутскѣ. Основатель знаменитой въ Англо-китайской торговлѣ фирмы былъ тотъ самый Luncellot Dent, глава торговцевъ опиума, который богдыханскому намѣстнику отказалъ выдать грузъ опиума, предназначенный къ конфискаціи, отказался даже явиться къ нему и какъ дерзкій ослушникъ императорской воли долженъ былъ бы поплатиться смертию, если бы не спасла его рѣшимость капитана Элліота, вывезшаго его изъ Кантона. Это былъ главный поводъ, какъ извѣстно къ Англо-китайской войнѣ. Дѣло его возбудило большіе толки и пренія въ парламентѣ. «Я не знаю что за человекъ Dent, сказалъ по поводу этого дѣла герцогъ Веллингтонъ, но онъ *Англичанинъ, а этого достаточно, чтобы не только его не выдать, но и защищать его до послѣдней крайности*». Это великое слово. Когда каждый купецъ увѣренъ, что за нимъ стоитъ такая сила, что таково выработалось понятіе о народной

чести, что на его судьбу и его дѣятельность смотреть цѣлая нація въ лицѣ своихъ представителей какъ на дѣло народное, тогда и смѣлѣе и увѣреннѣе и предпріимчивѣе торгуется, тогда и характеры выработаются цѣльнѣе и крѣпче.

Естественно теперь спросить: возможна ли успѣшная конкуренція въ торговлѣ, и равны ли силы въ промышленной борьбѣ между двумя соперничающими народами, когда торговые люди одного увѣрены, что за нихъ и общественное сочувствіе и помощь со стороны правительства, проявляющаяся во всемъ, начиная отъ настойчиваго стремленія поддерживать зараждающіяся торговыя связи преміями, до защиты силою оружія,—а другіе предоставлены собственнымъ силамъ и нерѣдко встрѣчаютъ ежели не явное противодѣйствіе, что было бы черезъ-чуръ нелѣпо и неблагоприятно, а какое-то равнодушіе къ ихъ смѣлымъ и ко благу цѣлой страны клонящимся предпріятіямъ? Но зачѣмъ винить одну сторону? Весь строй общества вызывалъ такое грустное явленіе. Торговый людъ былъ у насъ безгласенъ, какъ вообще всякій представитель промышленнаго рабочаго труда. Давно ли еще то время, когда каждый начальникъ въ эполетахъ или безъ эполетъ считалъ себя въ правѣ терѣбить за бороду купца; прошло ли то время, когда дѣла промышленныя обсуживаются безъ всякаго почти участія людей торговыхъ и промышленныхъ; прошло ли то время, когда они сами безгласные, нѣмые, не знаютъ средства добиться желаемой цѣли иначе какъ униженіями, поклонами и угощеніями? что дѣлать, когда необразо-

ванность ихъ доходить до того, что порядочно не умѣютъ изложить своихъ желаній и справедливыхъ законныхъ требованій! Между тѣмъ все это естественно должно отзываться на нашемъ народномъ хозяйствѣ, интересы котораго часто отодвигаются на задній планъ, какъ предметъ второстепенный и не заслуживающій высокаго вниманія. Весь складъ нашего высшаго общества сложился такъ, что его наши народные торговые вопросы рѣшительно не занимали. Оно восхищалось скорѣе быстрымъ развитіемъ торговли и промышленности Англии или Америки; иной образованный человекъ могъ пересчитать наизусть, рядомъ съ именами великихъ государственныхъ людей, имена иностранныхъ знаменитыхъ промышленниковъ, но никому не было дѣла до своихъ Барановыхъ, Шелиховыхъ, Борисовыхъ и другихъ знаменитыхъ фирмъ, прокладывавшихъ новые пути Русской торговлѣ или открывавшихъ новыя области Русскому труду. Образовавъ собою совершенно отдѣльный міръ, отрѣшенная отъ участія въ жизни высшей административной служилой части общества, промышленность наша росла тихо, скромно, боязливо, часто намѣренно скрываясь и ограждая себя китайскою стѣною отъ соприкосновенія съ высшими сферами общества. Съ нею нерѣдко произвольно обращались, ломали часто съ трудомъ воздвигаемое зданіе, безсознательно или подъ чуждымъ вліяніемъ нарушали ея медленный ростъ и только когда подобныя мучительныя операціи больно отзывались на финансахъ и слишкомъ явно выражались на всеобщемъ застоѣ, — тогда легкомысленные люди

старались поправить прежнія грубыя ошибки, хотя помощь приходила нерѣдко уже поздно, и наши промышленныя начинанія отставали на десятки лѣтъ отъ успѣховъ, которые совершались вездѣ въ Европѣ. Но не даромъ проходили мы такую суровую школу. Силы наши все-таки крѣпнута, общественное сознаніе пробуждается, а съ тѣмъ вмѣстѣ и цѣлое общество начинаетъ понимать всю тѣсную связь и солидарность между разнообразными составными своими частями. Наше появленіе въ Средней Азіи и наши попытки тамъ утвердиться были вызваны почти исключительно торговыми и промышленными интересами. Привлекаемый барышами, нашъ торговый людъ проложилъ первые пути въ степь и оттуда въ торговые центры Средней Азіи. Караваны вызвали необходимость огражденія Русскихъ капиталовъ, за тѣмъ подчиненіе нашей власти полудикихъ кочевниковъ и наконецъ огражденіе сихъ новыхъ подданныхъ отъ притѣсненій среднеазіатскихъ дикихъ правительствъ, сдѣлавшихся нашими сосѣдями. Шагъ за шагомъ, медленно подвигались мы въ глубь степи и стали наконецъ твердою ногою на Сырѣ.

Ошибки были безспорно частыя и можетъ быть грубыя; не всегда брались въ расчетъ настоящія потребности прилегающаго къ степямъ и даже самого степнаго населенія; какая-то нерѣшительность замѣчалась во всѣхъ предпріятіяхъ; не видно было определенной и строго обдуманной системы, которой бы неуклонно слѣдовали съ самаго начала; планы одного начальника оставлялись безъ

вниманія его преемниковъ или встрѣчали явное противо-
дѣйствіе со стороны его сотоварищей, находящихся почти
въ тѣхъ же условіяхъ,—до такой степени, что почти
можно было повѣрить баснѣ, распушенной по Оренбургу,
что Коканскій ханъ предлагалъ Сибирскому генераль-
губернатору идти войной на Оренбургскаго. И не смот-
ря на все это—сила вещей вляла свое, и что бы ни
говорили въ разныхъ слояхъ общества о новыхъ затруд-
неніяхъ, невыгодахъ и тягостяхъ, предстоящихъ Россіи
отъ новыхъ завоеваній въ Азіи—наши восточные украин-
цы двигаются да двигаются—себѣ впередъ въ Азію, и
потокъ этотъ удержать нельзя, какъ нельзя да и не къ
чему было удержать того же стремленія на Уралъ, въ
Зауралье и въ Сибирь. Тутъ не правительство вызыва-
ло народъ, а самъ народъ и его потребности влекли за
собою правительство, которое скорѣе нехотя и гораздо
осторожнѣе двигалось по этому пути, чѣмъ того тре-
бовали народные интересы и даже національная честь,
столько разъ приносимая въ жертву какому-нибудь Азіят-
скому оборванцу Хивинскому хану или даже разбойни-
ку Исеткѣ Кутебарову.

II.

И такъ, зачѣмъ же мы двигаемся въ степь, къ чему
занимаемъ Коканскія крѣпости, строимъ въ пустынныхъ
мѣстахъ укрѣпленія, такъ дорого намъ обходящіяся? Это
вопросы совершенно праздные. Они объясняются всею
нашею исторіею и нашею колонизаціей на Югѣ и на
Востокѣ.

Припомнимъ, чѣмъ было наше Заволжье еще въ 60-хъ

годахъ прошлаго столѣтія, занимаемое теперь Саратовскою и Самарскою губерніями. Единственными ея обитателями были хищные звѣри, беркута, да шайки разбойничьихъ кочевниковъ. Кое-гдѣ бороздили эту степь невѣдомые пути отъ Волги черезъ Иргизъ рѣку. По нимъ скитались бродяги, преступники, избѣгавшіе рукъ правосудія, пми шелъ Пугачевъ, задумывая пробраться къ Киргизамъ. А какъ тяжки и опасны были первыя попытки заселенія здѣшнихъ мѣстностей, начавшагося дружнымъ потокомъ не ранѣ половины прошедшаго столѣтія. Много приходилось терпѣть первымъ поселенцамъ отъ дикихъ кочевниковъ, Башкиръ, Калмыковъ и Киргизовъ. На работу приходилось выходить не иначе, какъ съ оружіемъ и цѣлыми толпами на многочисленныхъ по степи разсѣянныхъ курганахъ разставлялись сторожевые и возвышались маяки, и все-таки стирались нерѣдко съ лица земли и цѣлыя деревни, уводя жителей въ неволю и продавая ихъ въ Хиву. А теперь эта самая мѣстность, покрытая богатыми селами, съ полнымъ правомъ зовется житницей Россіи и заключаетъ въ себѣ слишкомъ 3 милліона богатаго сельскаго и промышленнаго населенія.

Тѣ же опасности отъ кочевниковъ и набѣги ихъ вызвали проведеніе линій старой и новой Закамскихъ.

Еще теперь около Сергіевска и пригорода Алексѣевского, по старой дорогѣ изъ Самары въ Казань и по большой дорогѣ изъ Бугульмы ясно видны остатки вѣловъ и укрѣпленій, назначеніе которыхъ было сдерживать набѣги Башкирцевъ, Калмыковъ и Татаръ на селенія и города Уфимской, Казанской и сосѣднихъ провинцій, т. е. въ нынѣшней Казанской, Симбирской, Са-

марской и Уфимской губерніи. Постоянно движеніе Русской колонизаціи, въ привольныя, богатыя водами, лѣсами, всякими угодыями и рудами мѣста Оренбургскаго и Пермскаго края, вызвали необходимость окончательно смирить Башкирцевъ, отрѣзать ихъ отъ сообщенія съ Киргизами и водворить полное спокойствіе въ краѣ. Страшной карѣ подверглись Башкирцы за возмущеніе и грабежи и новая Уральская линія, заложенная и проведенная въ исполненіе двумя знаменитыми дѣятелями въ Оренбургскомъ краѣ Кириловымъ и Татищевымъ, должна была замѣнить Закамскую. Читая извѣстія о снаряженіи экспедиціи Кирилова къ рѣкѣ Ори для построенія Оренбурга, о людяхъ, взятыхъ имъ съ собой, начиная отъ геодезистовъ и ученыхъ до плотниковъ и всякихъ мастеровыхъ людей, невольно поражаешься сходствомъ со всѣми предпринимавшимся и предпринимаемыми экспедиціями нашими въ Киргизскую степь. И дѣйствительно, вся страна до Урала была такою же невѣдомою и дикою страшною, но колонизація и гражданственность пошли здѣсь быстрее потому что богатая мѣстность представляла болѣе выгодъ и приманокъ стремившемуся сюда населенію, а прекрасныя сочныя земли, густые лѣса и свѣтлыя обильныя воды Демы, Ика, Сакмары, Сока и Бугуруслана представляли удобства, далеко оставлявшія за собой земли въ центральныхъ нашихъ губерніяхъ. Главная мысль, проводимая первыми замѣчательными администраторами Оренбургскаго края, была окружить Башкирцевъ со всѣхъ сторонъ Русскими военными поселеніями, дабы сдерживать ихъ въ повиновеніи, дать возможность мирному заселенію края и внести сюда порядокъ. По мѣрѣ умиротворенія края и заселенія его,

казаки и находившіяся во внутреннихъ частяхъ войска переносились далѣе на линію. Ставши твердою ногою здѣсь, на границѣ степи, и положивъ начало Оренбургу и цѣлому ряду форпостовъ и крѣпостей для защиты водворяющагося въ краѣ населенія и огражденія нашей торговли съ Среднею Азіей, мы тѣмъ самымъ невольно втягивались въ столкновенія съ ордами кочевниковъ, обитателей негостепріимныхъ степей Зауральскихъ; отношенія, живо напоминающія тѣ же условія, въ которыхъ жили первые поселенцы нашего Заволжья, съ тою только разницей, что столкновенія съ кочевниками въ Зауральской степи были всегда гораздо серьезнѣе и по многочисленности ихъ и по связямъ ихъ съ среднеазіатскими владѣніями, власть которыхъ, правда номинальную и весьма шаткую, признавали надъ собою въ крайнихъ случаяхъ Зауральскіе и Сибирскіе Киргизы.

Новые поселенцы на линіи дорогою цѣною крови купили себѣ обладаніе лучшими мѣстами степи по Уралу и Плеку; грабежи, угонъ скота и похищеніе людей для продажи въ Хиву были явленіемъ самымъ обыкновеннымъ; выжигались цѣлыя станицы и до сихъ поръ еще по линіи живы преданія о Киргизскомъ батырѣ Джауламанѣ. Киргизскія шайки прорывались еще въ 20-хъ и 30-хъ годахъ не рѣдко далеко за линію въ глубь Оренбургской губер. до Самкары и Ика и грабили Русскія и Башкирскія селенія; безъ конвоя рѣдко кто выѣзжалъ еще въ 30-хъ годахъ изъ Оренбурга; грабительство же каравановъ дошло до того, что въ 20-хъ годахъ ихъ не иначе рѣшались посылать, какъ подъ военнымъ прикрытіемъ, и невольно припоминались слова полковника Тевкелева, сказанныя еще въ 30-хъ годахъ прошлаго

столѣтія, «что хотя де оная орда *Киргизъ-Кайсацкая степной и лекомысленной народъ, токмо де вѣстьмъ азіятскимъ странамъ и землямъ оная орда ключъ и врата*». И не смотря на то, что Киргизы Малой орды почти уже 150 лѣтъ какъ приняли подданство Россіи, не смотря на степныя укрѣпленія, воздвигнутыя въ послѣднее время въ глубинѣ степей, на вѣсь усилія правительства водворить порядокъ въ степи, — даже до настоящаго времени, конечно несравненно рѣже бываютъ случаи грабежей и ослушанія, особенно въ родахъ, кочующихъ въ глубинѣ или на самомъ противоположномъ краю степи и вслѣдствіе вліянія Хивинцевъ, къ намъ враждебныхъ. Еще не далѣе какъ въ 50-хъ годахъ явился въ степи Исеть Кутебаровъ. Онъ отказалъ дать верблюдовъ подъ экспедицію, снаряжавшуюся для взятія Акъ-Мечети, убилъ султана правителя Арслана, разбойничалъ, грабилъ караваны и казенные транспорты. Три года сряду гулялъ Исеть по степи, убѣгая отъ нашихъ отрядовъ, высылаемыхъ на его поимку. Одинъ изъ нихъ, весьма даже значительный, исходилъ степь, наказалъ нѣсколько родовъ, поддерживавшихъ Исета, угналъ ихъ скотъ, но Исета все-таки не добылъ, который явился впослѣдствіи самъ добровольно къ генералъ-губернатору Катенину, когда ему было обѣщано прощеніе. Цѣлые роды, кочующіе по Сыру, Куванъ-Дарье и около Хивы по неволѣ колеблются изъ страха передъ Хивинцами и Коканцами, своими ближайшими сосѣдями. Дерзость послѣднихъ доходила до того, что еще въ 50-мъ году они сдѣлали два набѣга на Киргизъ, разграбили 20 ауловъ и угнали до 60,000 головъ скота; въ 1851 и 52-мъ году, напали они

два раза съ подвластными имъ Киргизами на нашихъ Киргизовъ, кочевавшихъ въ Каракумскихъ пескахъ и угнали слишкомъ 100,000 головъ. Что же тутъ удивительнаго, ежели отдѣленные отъ нашихъ линій Киргизскіе роды готовы скорѣе пристать къ тому, кто сильнѣе и ближе, и вмѣстѣ съ Хивинцами грабятъ ближайшіе къ нашей линіи и намъ дружелюбные роды и безпокоятъ нашу торговлю. Это безвыходное положеніе Киргизовъ самымъ яснымъ образомъ подтверждается письмомъ къ генераль-адъютанту Перовскому, нашего посла въ Хиву капитана Никифорова. Несчастные Дюртъ-Кара, Кечкенѣ-Чиклы, Тляу и другіе роды, вынужденные нищетою и падежомъ скота заниматься хлѣбопашествомъ на берегахъ Сыра и Куванъ Дарыи, платятъ Хивинскимъ притѣснителямъ непомерныя подати и трепещутъ черной шапки. Одинъ Киргизъ Чурековского рода, прибывшій въ Хиву съ послѣднимъ караваномъ, узнавъ, что ханъ требуетъ уступки Эмбы, спросилъ купца Дѣева: «Точно ли Русскіе уступаютъ р. Эмбу хану Хивинскому?» Дѣевъ отвѣчалъ, что не знаетъ. При этомъ словѣ Киргизъ сказалъ съ бѣшенствомъ: «Зачѣмъ отдаете нашу землю и за кого считаете насъ? развѣ мы кузнечики, а не Русскіе подданные?» Еще лучшую характеристику этой двойственности отношеній Киргизъ представляетъ другой эпизодъ посольства Никифорова въ Хиву. «Желая опровергнуть справедливость главнаго требованія подчиненія Киргизовъ, Хивинскій ханъ тайно созвалъ преданнѣйшихъ почетныхъ Киргизъ для того, чтобы они подтвердили посланному, что не считаютъ себя Русскими подданными. Одинъ изъ султановъ Джангазы на вопросъ: считаютъ ли Кайсаки себя подданными Россіи и слѣ-

дуетъ ли ей уступить Сыръ? отвѣчалъ, что Россія дѣйствуетъ вяло, какъ баба, и не займетъ Сыра и что Сыръ-Дарья далеко отъ Урала. Султанъ Рахманъ-Куль, подтвердивъ слова Джангазы, прибавилъ, что Россія ежегодно почти посылаетъ въ степь войска и отнимаетъ у Киргизъ земли, чего конечно не дѣлали бы, если бы Кайсаки были ея подданными. Наконецъ Юсупъ Сарымовъ заключилъ тѣмъ, что Киргизы, какъ магометане, не могли никогда вступить въ подданство христіанской имперіи.

Никифоровъ возражалъ на это, что будучи присланъ для переговоровъ лично съ ханомъ, считаетъ непристойнымъ объясняться съ преступниками противъ Россіи и предоставляетъ обличеніе лживыхъ рѣчей ихъ находящемуся при посольствѣ хорунжему Аитову. Аитовъ, объяснивъ исторію присяги Киргизовъ на подданство Россіи и сравнивъ положеніе нашихъ Киргизовъ съ тѣми, которые зависятъ отъ Хивы, перешелъ къ обличенію въ преступныхъ дѣлахъ каждого изъ султановъ. Онъ доказалъ какъ Джангазы родился въ Россіи отъ отца, который былъ даже въ Русской службѣ майоромъ и сдѣлавшись преступникомъ, бѣжалъ постыдно изъ Оренбурга. Тѣ же самыя улики были представлены и другимъ султанамъ, какъ напр. Юсупъ Сарымовъ ѣздилъ самъ съ султаномъ Арсупъ-Газыемъ въ Петербургъ и склонялъ правительство оказать ему военное пособіе для разграбленія Хивы, какъ султанъ Юламанъ-Тлянчинъ не смѣлъ показаться въ свой родъ, гдѣ все знали, что онъ долго пользовался покровительствомъ Русскаго правительства, за что заплатилъ вѣроломнымъ возмущеніемъ легковѣрныхъ соотечественниковъ, кото-

рыхъ увлекъ къ Сыръ-Дарьѣ, но не долго наслаждался плодами своего обмана, потому что его же родичи снова прибѣгли, проклиная его, къ неисчерпаемому милосердію Россіи. Аитовъ заключилъ свое обвиненіе словами: «вспомните только, султаны, что предки ваши властвовали въ этой Хивѣ и сидѣли на мѣстѣ того же хана, который вызвалъ васъ теперь на позорное клятвопреступничество въ пользу своихъ незаконныхъ притязаній». Слова Аитова произвели сильное впечатлѣніе на всѣхъ, и одинъ изъ султановъ Утеръ Али, втайнѣ намъ преданный, отвѣчалъ Мехтеру Хивинскаго хана: «Я и прежде говорилъ, что собраніе это бесполезно, что Хивѣ стыдно крамольничать противъ Россіи, а теперь для примиренія съ нею и сохраненія своихъ выгодъ выставятъ на жертву Киргизовъ». Послѣ совѣщанія многіе изъ султановъ старались сблизиться съ посломъ и вымолить себѣ прощеніе Россіи (*).

Послѣдствія, однакоже, доказали, что безъ самыхъ энергическихъ дѣйствій въ степи спокойствія и порядка внести сюда нѣтъ возможности, что торговля наша будетъ постоянно подвергаться опасностямъ, куда Киргизы не будутъ окончательно отрѣзаны отъ Хивы и отъ ея вліянія.

Совершенно тождественныя явленія видимъ мы и въ степи Киргизъ Сибирскаго вѣдомства. Хотя Омская линія и заложена была еще Петромъ Великимъ, но не только въ прошедшемъ столѣтіи, даже въ началѣ нынѣшняго степь эта представляла совершенно недоступное

(*) Посольство въ Хиву капитана Никифорова въ 1841 г. Н. Залѣсовъ. Воен. Сбор. 1860 № 11.

пространство. «По сіе время, читаемъ мы въ запискѣ «берггешвореновъ», Бурнашева и Поспѣлова, ходившихъ въ 1860 году чрезъ степь въ Ташкентъ, — ее, кромѣ немногихъ путей, описать нельзя, ибо враждебные поступки населяющаго народа приводятъ въ опасность какъ торговое сообщеніе, такъ и всякого, кто бы рѣшался войти въ гнѣздо сіе, по многимъ примѣрамъ хищное».

Начало къ устройству степей положено изданіемъ устава о Сибирскихъ Киргизахъ въ 1822 году, составленнаго знаменитымъ организаторомъ Сибири. Западная Сибирь, къ вѣдомству которой принадлежала степь въ силу новыхъ учрежденій оу управленіи Сибирью, должна была заключать въ себѣ губерніи: Тобольскую, Томскую и Омскую область съ Киргизскою степью Средней орды. Омская область заключала въ себѣ часть Сибирской линіи, отдѣлявшей сѣверную половину ея, составленную изъ нѣсколькихъ внутреннихъ округовъ отъ южной или степной, въ которой предполагалось постепенно образовывать окружныя правленія, которыя составили бы внѣшніе округа области. Для этой-то степной части и составленъ былъ уставъ оу управленіи Сибирскими Киргизами. Киргизскій аулъ, числомъ отъ 50—70 кибитокъ, долженъ былъ находиться подъ управленіемъ избираемаго самими Киргизами на три года старшины; нѣсколько ауловъ отъ 10—12 составляли волость, подчиняемую наслѣдственному султану; округъ составлялся изъ 15—20 волостей, принадлежавшихъ одному роду. Въ окружномъ приказѣ присутствовали четыре засѣдателя: двое Русскихъ, двое изъ Киргизъ подъ предсѣдательствомъ старшаго султана,

избираемого въ эту должность волостными султанами изъ султанскихъ родовъ, и утверждаемого въ этомъ званіи областнымъ правленіемъ. Окружный приказъ имѣлъ въ своихъ рукахъ весьма обширную и многостороннюю дѣятельность. Въ наказѣ, данномъ приказамъ, предписывалось: охранять народъ отъ общихъ бѣдствій, заботиться о его хозяйственныхъ нуждахъ, употреблять всѣ средства къ искорененію между Киргизами баранты и грабежей, никого не допускать до самоуправства, и въ случаѣ противодѣйствія и неповиновенія цѣлой волости, доносить областному управленію и ждать его предписаній; нарядать разъѣзды по степи и наблюдать за общимъ спокойствіемъ, причемъ волостные султаны были главными исполнителями приказа.

Въ дѣлахъ уголовныхъ, рѣшавшихся на основаніи общихъ государственныхъ законовъ, окружный приказъ пользовался правами уѣзднаго суда; дѣла же исковыя были предоставлены рѣшенію біевъ. Далѣе въ Наказѣ излагались мѣры для поощренія Киргизъ къ земледѣлію. При каждомъ округѣ предполагалось открыть казенную продажу хлѣба Киргизамъ, изъявившимъ желаніе заняться хлѣбопашествомъ, дозволялось отводить 15 десятинъ на душу, а заводившимъ хозяйство въ значительныхъ размѣрахъ выдавались Высочайшія награды; наконецъ въ уставѣ ясно высказывалась належада на водвореніе между Киргизами христіанства и для этого предоставлено было областному начальству испрашивать дозволеніе на отправленіе въ степь миссій, которыя бы дѣйствовали безъ принужденія, одними убѣжденіями.

Новое устройство предполагалось было вводить не то-

ропаясь, а постепенно, соображаясь съ мѣстными средствами и сначала только въ ближайшихъ къ линіи мѣстностяхъ и въ волостяхъ, принадлежащихъ къ родамъ давно уже присягнувшимъ на вѣрность Россіи. По мѣрѣ же устройства степи, Сибирская линія должна была подвигаться впередъ, захватывая вполнѣ умиротворенные и устроенные волости и округа и стать наконецъ на дѣйствительной государственной границѣ, формальнаго и точнаго опредѣленія которой съ Китаемъ и среднеазиатскими владѣніями и не было, да и быть не могло. Безъ Высочайшаго разрѣшенія перенесеніе линіи на государственную границу не допускалось. «Шагъ въ Киргизскую степь на примѣрной картѣ, писалъ Сперанскій, хотя и кажется смѣлымъ, но въ уставѣ онъ такъ расположенъ, что новая черта представляетъ только цѣль, куда идти и куда, можетъ быть, только въ полвѣка придти будетъ можно, подаваясь всегда тихимъ и измѣреннымъ движеніемъ, нечувствительно, но всегда по одному плану и пользуясь случаями и мѣстными обстоятельствами»

Въ концѣ 1823 года собраны были въ Омскѣ султаны ближайшихъ къ линіи Киргизскихъ родовъ, гдѣ имъ объявили, что для водворенія въ степи спокойствія и огражденія торговли, правительство намѣрено ввести новое управленіе. Дальніе же Киргизы были повѣщены объ этомъ печатными объявленіями, съ приложеніемъ новаго законоположенія, переведеннаго на Татарскій языкъ. Въ 1824 году въ Февралѣ, управлявшій тогда Омскою областью, полковникъ Броневскій отправился самъ съ отрядомъ въ степь для открытія округовъ Каркаралинскаго. Киргизы, кочевавшіе въ этихъ мѣстахъ, ушли въ глубь степи, и два мѣсяца прошли въ тщетномъ ихъ ожида-

ніи. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Броневскій отправилъ чиновника Горскаго съ четырьмя казаками, урядникомъ, муллою и переводчикомъ въ отдаленныя кочевья султана Тоука. Горскій смѣло явился среди нерасположенныхъ къ намъ ауловъ и убѣдительною рѣчей своихъ склонилъ вліятельнѣйшихъ султановъ отправиться въ лагерь Броневскаго, гдѣ они приняли присягу и произвели выборъ надлежащихъ чиновъ, сначала для Каркаралинскаго, а потомъ для Кокчетавскаго приказа. Постепенно вслѣлъ за тѣмъ открыты были въ 1831 году приказы Аягузскій и Учъ-Булакскій, въ 1832 году Баянъ-Аульскій, въ 1833 г. укрѣпленія Улутауское и Актауское.

Не взирая на все человеколюбіе и попечительную заботливость, которыми проникнуть уставъ, не смотря на то, что часть Киргизовъ подчинилась желаніямъ и волѣ правительства—дальнѣйшее его приведеніе въ исполненіе встрѣчало постоянное сопротивленіе, сопровождавшееся открытыми возстаніями. Уставъ со всѣми его постановленіями, касательно внутренняго устройства быта Киргизъ, носилъ на себѣ слишкомъ европейскій, если такъ можно выразиться, характеръ, и конечно не приходился по плечу дикому кочевнику. Азіатскій человѣкъ признаетъ тогда только власть, когда она является съ грозною и требующей безусловной покорности силой; наша же администрація съ ея формальностію, перепискою, отпискою проволочкою дѣла, ему невыносима и непонятна, а между тѣмъ областное управленіе въ Омскѣ было слишкомъ удалено отъ большинства приказовъ, и дѣла, не терпяшія отлагательства, но которыя не могли рѣшаться на мѣстѣ безъ утвержденія областного управленія—оставались неисполненными по цѣлымъ годамъ, поселяя ко-

нечно, недовѣріе въ народѣ и неуваженіе къ власти. Новые порядки не привычныя для евободнаго сына степей, перечисленіе кибитокъ, ясашиный сборъ, возбуждали неудовольствіе. Много зависѣло также отъ недостатка способныхъ для управленія степью людей. Мелочами, придирками раздражали народъ въ дѣлахъ же серьезныхъ дѣйствовали слабо, стараясь или скрыть отъ правительства или умадить ихъ значеніе. Наконецъ ближайшая полицейская власть была въ рукахъ самими Киргизами избираемыхъ биевъ и старшинъ, которые бывали сами нерѣдко соумышленниками поднимавшихся почти постоянно въ степи—грабительскихъ шаекъ, Виногато было нерѣдко и правительство, отмѣняя распоряженія мѣстнаго управленія, именно въ дѣлахъ касающихся явнаго ослушанія власти и даже измѣны и тѣмъ парализируя его вліяніе. Такъ напр., когда султанъ Гайбадула Валіевъ отложился и вздумалъ опять признать Китайское правительство, но былъ арестованъ и сосланъ въ Березовъ, то мѣра эта не была одобрена и султана возвратили опять въ степь. Недовольные или провинившіеся роды откочевывали въ глубь степи къ границамъ Коканскимъ и Китайскимъ, гдѣ, пользуясь ихъ легковѣріемъ, Кушбѣки Туркестанскій и Ташкентскій возбуждали ихъ противъ Россіи, такъ что въ продолженіи 15 лѣтъ, съ 1832—1845 годъ, степь Киргизскаго вѣдомства, т. е. вся Средняя и Большая Орда, была въ полномъ броженіи. Грабежи каравановъ производились непрерывно цѣлыми большими вооруженными шайками, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ батырей, въ числѣ которыхъ громкое имя пріобрѣлъ себѣ извѣстный во всей степи—Кенисара Касимовъ, пытавшійся не разъ даже

нападать на наши укрѣпленія и увлекавшій за собою и Зауральскихъ Киргизовъ. Всѣ эти безпорядки привели къ одному результату тому самому, къ которому пришли и въ Зауральской степи—что необходимо выдвигаться далѣе въ степь и охватить ее со всѣхъ сторонъ, дабы смирить Киргизовъ и, отрѣзавъ имъ всякое сообщеніе съ среднеазіатскими владѣніями, подчинить вполнѣ и рѣшительно нашему управленію; однимъ словомъ мы должны были привести въ исполненіе единство практическую покуда статью Положенія Сперанскаго: постоянно подвигать линію, впередъ и стать на государственной границѣ. Гдѣ ее утвердить, на это должны были указать мѣстныя обстоятельства и дальнѣйшія событія въ степи. Но именно эти событія въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годовъ такъ сложились, что неуклонное и постоянное движеніе въ глубь степи и къ границамъ среднеазіатскихъ ханствъ стало государственною необходимостью.

Это было злое для степи и для нашей торговли время. Троицкій 2-й гильдія купецъ Абдулъ Вали Абдулъ-Вагановъ, Абу Бакировъ, передавшій П. И. Небольсину свое слѣдованіе съ караваномъ изъ Троицка въ Чугучакъ, рисуетъ намъ весьма живо положеніе степи въ 40-хъ годахъ. Уже черезъ двѣ недѣли пути набрелъ онъ, по берегу Ишима, на аулы Киргизовъ-хищниковъ изъ роду Канджагали. Біемъ былъ у нихъ Санасабъ батырь. Купецъ пригласилъ въ свою кибитку бія съ его аксакалами (бѣлая борода, старшина), зарѣзалъ для нихъ семь жирныхъ барановъ, наготовилъ нѣсколько блюдъ бишбармаку и шашлѣку, отлично угостилъ своихъ новыхъ и очень непріятныхъ зна-

комцевъ, и въ заключеніе подарилъ Санасабу батырю хорошую шубу и изъ разнаго товара на девять предметовъ для одежды, удовольствовалъ однимъ словомъ бія враждебныхъ Киргизъ всёмъ довелъ и до того, что бій самъ, въ замѣнъ угощенія, подарилъ ему хорошую лошадь.

«Кто ты таковъ, добрый пріятель»? спросилъ купца Санасабъ-батырь.

«Свободный купецъ великой Россіи и надѣюсь, что уважая силу и славу Россіи и нашего Великаго Государя, не причините мнѣ, его подданному, ни какой обиды».

«Киргизскій народъ никогда никакихъ обидъ своему гостю не дѣлаетъ, отвѣчалъ надменно бій, и въ знакъ своего расположенія велѣлъ своимъ Киргизамъ провожать Абдуль-Вали въ теченія пяти дней. Послѣ 15-ти дневнаго слѣдованія отъ аула Санасаба-батыря повторилась та же исторія въ аулѣ Туртавилъ, гдѣ пришлось угощать бія Чумбуруна съ его аксакалами, которому купецъ нашъ поднесъ 5 алаго аршинъ сукна, столько вѣковъ извѣстнаго въ исторіи распространенія владычества Россіи въ далекихъ странахъ Востока, какъ самое вѣрное средство для приласканія къ себѣ полудичныхъ кочевниковъ.

«Какъ это ты, пріятель, не побоялся съ такимъ малымъ числомъ народа и въ такое Кенисаринское время проходить наши степи, да еще съ товарами и, можетъ быть, дорогими»? спросилъ его бій Чумбурунъ. «Нашъ Государь великъ, отвѣчалъ Татаринъ, и я, полагаясь на Бога, полагаюсь въ тоже время на страхъ и уваженіе ваше къ Повелителю нашего огромнаго

царства». «Да, великъ и страшенъ Русскій народъ въ минуту гнѣва», угрюмо проговорилъ бій. «Кстати, прибавилъ онъ, перемѣнивъ рѣчь и голосъ, смотри, пріятель, берегись; впереди тебѣ предстоитъ дурная встрѣча: пять ауловъ Тюря-Балалара». (Аулы эти занимались хищничествомъ и не щадили ничего, что было Русское).

Такія встрѣчи были часты. За Алгузскимъ укрѣпленіемъ, въ степи Баянъ-Караганъ, кочующіе тамъ Киргизы предупреждали его, чтобы онъ принялъ всѣ предосторожности отъ весьма возможной встрѣчи съ Кенисарой или съ его шайками и что въ горахъ Ала-Тау кочуютъ Киргизы родомъ Кизай, занимавшіеся въ то время ужасными грабежами (*).

Для водворенія порядка въ степи располагались отряды войскъ при приказахъ, посылались отряды въ степь, но и этихъ рѣрѣ было недостаточно, такъ что Акмолинскій округъ, лежащій ближе всѣхъ къ границѣ, былъ постоянно цѣлью хищническихъ набѣговъ и грабительствъ. Кенисара дерзнулъ даже открыто напасть на Акмолинскій приказъ, будучи поддерживаемъ, какъ это было повсемѣстное мнѣніе, Ташкентскимъ правителемъ, котораго особенно беспокоило возведеніе Актаускаго укрѣпленія, выдвинувшагося глубоко въ степь, на перепутѣ главныхъ дорогъ, ведущихъ въ Туркестанъ и Ташкентъ...

Но Актаускимъ укрѣпленіемъ не ограничились, и разбой Кенисары вызвали постепенное заложеніе но-

(*) См. Географич. извѣстія 1830 г.

выхъ укрѣпленій: въ 1840-мъ году Джаргавинскаго, въ 1842 Кышъ-Мурунскаго, въ 1845 году Кокбектинскаго, а въ 1846 году были укрѣплены станицы Улутавская и Атбасарская. Убѣгая отъ нашихъ отрядовъ, Кенисара непрерывно переносилъ свою разбойничью дѣятельность изъ Сибирской степи въ степь Оренбургскаго вѣдомства и обратно. Наконецъ, когда дѣятельныя мѣры со стороны Сибирскаго и Оренбургскаго вѣдомствъ и даже попытки подкупить нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ сообщниковъ Кенисары стали угрожать ему опасностью, онъ бросился въ Семирѣчинскій край пытаясь возбудить противъ правительства, еще въ сороковыхъ годахъ вступившіе въ подданство, роды Киргизовъ Большой орды. Здѣсь однакоже не долго продолжалась его разбойничья дѣятельность. Своими жестокостями и грабежами онъ такъ возбудилъ противъ себя Дикокзменныхъ Киргизъ, на которыхъ сталъ производить набѣги, что когда имъ удалось его захватить, они сварили его въ котлѣ.

Естественно, что такія явленія, какъ разбой Кенисары, далеко выходившіе за предѣлы мелкаго грабительства, должны были вызвать энергическія съ нашей стороны мѣры, клонившіяся въ одной цѣли — умиротворенію степи, внесенію туда порядка и обузданію степнаго своеволія, и вотъ въ теченіи 30 слишкомъ лѣтъ съ 20-хъ годовъ и по настоящее время мы видимъ и со стороны Оренбургскаго вѣдомства въ Зауральской степи и Сибирскаго въ степи Средней орды—тѣ же явленія и мѣры, какія предпринимались въ половинѣ прошлаго столѣтія относительно нашихъ кочевниковъ. Мы строимъ укрѣпленія въ

ихъ степи и стремимся обогнуть цѣлою линіей такихъ же укрѣпленій всю степь, чтобы отрѣзать имъ всякую возможность получать помощь отъ среднеазіатскихъ владѣній и чтобы, наконецъ, упрочить за собой возможность мирной и спокойной торговли и пріобрѣсти удобную и выгодную границу, обезпечивающую наши интересы въ степи и нашихъ степныхъ подданныхъ. Въ этотъ же періодъ времени возникалъ не разъ вопросъ, поставленный еще Сперанскимъ, о перенесеніи линіи на государственную границу, обсуждавшійся нѣсколько разъ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ въ Петербургѣ. Частыя экспедиціи въ степь, какъ со стороны Оренбургскаго, такъ и Сибирскаго вѣдомствъ для опредѣленія важнѣйшихъ и удобнѣйшихъ пунктовъ въ степи, для ближайшаго знакомства съ мѣстностію и ея жителями, доставили множество интереснѣйшихъ и драгоцѣнныхъ свѣдѣній. Онѣ стали уже достояніемъ науки и приносятъ величайшую честь нашему генеральному штабу, офицеры котораго были главными дѣателями на этомъ поприщѣ. Намъ остается только жалѣть о томъ, что многіе изъ трудовъ ихъ такъ долго погибали въ архивской пыли, держа общество въ совершенномъ невѣденіи о томъ, что происходило на нашихъ окраинахъ, порождая нелѣпые слухи, подвергая неправильнымъ нарекаціямъ многія чрезвычайно умно и дѣльно направленные начинанія и отнимая у общества счастье знать все то, что дѣлалъ, чему подверглись его доблестные сыны—работая тихо, скромно, безкорыстно и совершенно въ тѣни на пользу и славу дорогаго отечества. Мы читали о дѣйствіяхъ Англичанъ въ

Остѣ-Индіи, знали о громкихъ дѣлахъ Французовъ въ Алжирѣ, а что переносили и какъ трудились наши соотчичи въ негостепріимной степи, прокладывая пути нашей торговлѣ въ Азіи—это было для насъ темно, а отрывистыя реляціи о разныхъ стычкахъ, изъ которыхъ мы, конечно, выходили всегда побѣдителями, безъ всякой связи съ извѣстіями о трудныхъ и тяжкихъ подготовительныхъ работахъ, не давали намъ никакой возможности судить правильно, и ясно представлять себѣ: что дѣлалось въ нашихъ восточныхъ окраинахъ. Убѣжденіе въ необходимости перенесенія нашихъ границъ въ самую глубь степи и именно на рѣку Сыръ-Дарью, какъ самую удобную мѣстность для учрежденія новой линіи и военной и таможенной, было настойчиво высказано еще Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1836-мъ году, послѣ прочтенія Его Величествомъ записки, составленной подполковникомъ Веригинымъ. Цѣль была указана, и послѣдующія обстоятельства вполне оправдали ее, хотя къ сожалѣнію прошло 20 слишкомъ лѣтъ прежде, нежели рѣшено было энергически и неуклонно стремиться къ занятію новой и географическимъ положеніемъ и всѣми условіями, среди которыхъ мы дѣйствовали, рѣзко отмѣченной границы.

III.

«Примиреніе съ Хивою народу Россійскому, читаемъ мы въ одной рукописи, принадлежавшей Татищеву, поставится въ небольшое умаленіе славы при тамошнихъ народахъ, и не будетъ отъ нихъ почитано мужество Рос-

сійское, такъ какъ прежде всего они не токио солдата, но послѣдняго купца почитали и будутъ имѣть всегда причину говорить, якобы Россіяне потеряли свой куражъ, лишившись монарха своего Петра Великаго, котораго имя гремѣло даже въ Индіяхъ и всѣ тамошнія земли страхъ имѣли. И тако заключается, что къ установленію спокойной и полезной коммерціи въ оныхъ странахъ генерально надобно обладать землею Хивинскою, ибо когда его величество учинится государемъ Хивы, воленъ будетъ и коммерцію производить по своему соизволенію и все къ тому принадлежащее учинить: и то, что въ другихъ земляхъ невозможно достать пріятствомъ, тамъ добудется силой и больше съ грозами и славнымъ именемъ, нежели дѣломъ».

Но прошло сто слишкомъ лѣтъ, а Хивинцы продолжали обирать караваны, хватать Русскихъ подданныхъ и уводить ихъ въ тяжкое рабство: даже послѣ извѣстной нашей экспедиціи въ Хиву, кончившейся, правда, неудачно, но наведшей все-таки нѣкоторый страхъ на Хиву и заставившей Хана освободить плѣнныхъ — мы все еще не могли быть покойны со стороны этого хищническаго гнѣзда Средней Азіи, и наши посольства не имѣли никакихъ важныхъ послѣдствій. Точно также безплодно было и послѣднее посольство въ Хиву и Бухару генерала Пгнатъева въ 1858 г. Не смотря на фирманъ Хивинскаго хана Алла-Кулы отъ 18 Іюля 1840 года, изданный имъ послѣ несчастной нашей экспедиціи, когда до *отца побѣдъ, побѣдителей и побѣжденныхъ Харезмскаго шаха* (такъ онъ себя называетъ) дошли слухи о приготовленіяхъ къ новому походу въ Хиву, въ которомъ онъ повелѣвалъ подданнымъ его *Харезмскаго*

повелительнаго двора, пребывающаго въ райскихъ веселыхъ садахъ, управляющимъ отдѣльными странами, начальствующимъ подѣ ямудскимъ и чаудурскимъ туркменскими народами, всемъ храбрымъ воинамъ, бѣямъ и старшинамъ народовъ Киргизскаго и Каракалпакскаго и вообще всемъ блистающимъ въ нашемъ царствованіи доблестными подвигами, что по дознаніи о сей его высокой грамотѣ, которая издана въ лѣто отъ эры благословеннаго нашего пророка 1256 г. (мышинное) въ мѣсяцѣ джума-дѣльванѣ о томъ, «что онъ вступилъ съ великимъ Россійскимъ Императоромъ въ дѣла миролюбія, съ твердымъ намѣреніемъ искать его высокой дружбы и пріязни» и т. д.;—не смотря на то, что ханъ въ этомъ фирманѣ строго запрещалъ брать въ плѣнъ Русскихъ и продавать ихъ въ рабство или дѣлать набѣги на наши границы—прежнія хищничества не прекращались и дикарь Алла-Кула, владѣлецъ бѣднаго ничтожнаго владѣнія, населеннаго оборваннымъ полукочевымъ населеніемъ въ 300,000 какихъ-нибудь душъ, осмѣлился посланнику великой Россіи сказать, что настоящая граница Россіи есть Уралъ, а степь принадлежитъ ему, и на замѣчаніе, «что все Киргизскія племена—подданные, а ихъ земли достояніе Россіи, и что если государь Императоръ изволитъ признать нужнымъ занять правый берегъ Сыра, то займутъ его и безъ согласія его», ханъ отвѣчалъ: «какъ Богъ велитъ».

Занятіе Сыра было дѣйствительно настойчивою необходимостью, но не ранѣе какъ въ 1847 году, т. е. черезъ 113 лѣтъ осуществилась мысль Кирилова, выраженная имъ въ проектѣ, поданномъ Аннѣ Іоанновнѣ о заведеніи пристани на Аральскомъ морѣ. Іюля 1-го экс-

педиція, вышедшая изъ Орской крѣпости, узрѣла синія волны Аральскаго моря, заложено и окончено Римское укрѣпленіе и вмѣстѣ съ этимъ фактическимъ утвержденіемъ нашего владычества на Сырь-Дарьѣ началось судоходство по Аральскому морю. Двухмачтовое судно Николай, сей родоначальникъ Аральской флотиліи, предназначено было исключительно для изслѣдованія моря. Въ этотъ же періодъ времени возведены были степныя укрѣпленія: Оренбургское на Тургаѣ, Уральское на Иргизѣ и наконецъ для удобства сообщенія между Орскою крѣпостью и Уральскимъ укрѣпленіемъ возведенъ былъ еще фортъ Карабутакскій.

Все это было сдѣлано въ управленіи краемъ генералъ-губернатора Обручева, имя котораго, не смотря на многія нареканія, которыя часто можно было слышать въ Оренбургѣ, останется вѣчно памятнымъ въ исторіи нашего господства въ Средней Азіи. Неутомимый работникъ, бережливый, строго соблюдавшій интересы государственной казны, самъ лично всѣмъ и каждому служившій примѣромъ точнаго исполненія обязанностей, встрѣтившій избалованную администрацію, почтенный дѣятель этотъ имѣлъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ, свѣтлый взглядъ на наши среднеазіятскія дѣла и кто знаетъ, дошелъ бы, можетъ быть, и быстрѣе и съ меньшими издержками къ тѣмъ же результатамъ, до которыхъ мы дошли теперь. Замѣчательно еще то, что почти всѣ его преемники съ небольшими развѣ отклоненіями шли по его же указаніямъ и возвращались къ плану имъ первоначально начертанному.

Безчисленное количество анекдотовъ и разсказовъ сохранилось до сихъ поръ о его дѣятельности въ краѣ,

выставляющие, можетъ быть, въ нѣсколько оригинальномъ видѣ эту почтенную личность. Съ утра и до ночи разсматривалъ онъ до мельчайшихъ подробностей и людей и обозы, готовящіяся къ степнымъ походамъ; ни одинъ дурно пригнанный гвоздь или упряжной ремень не ускользалъ отъ его опытнаго хозяйскаго взгляда, точно также какъ не ускользало отъ его вниманія въ Оренбургѣ и слишкомъ великолѣпное, не по средствамъ какой-нибудь чиновницы, надѣтое платье. Не даромъ ходилъ же анекдотъ, что снаряжая башкирскіе обозы въ степь, онъ самъ лично показывалъ непривычнымъ полукочевникамъ какъ слѣдуетъ подмазывать телѣгу, и привелъ разъ въ такой восторгъ башкирскаго возницу, что тотъ воскликнулъ: «ой бульно хорошъ мазилъ, бачка, *мазилъ* другой телѣгъ».

А подь полящимъ зноемъ въ степи видѣли постоянно стараго генерала сидящимъ, во время приваловъ, на барабанѣ и не принимавшимъ пищи до тѣхъ поръ, покуда не напоятъ въ его глазахъ весь выючной скотъ, пока не сядутъ люди за походную трапезу. Тогда только онъ позволялъ себѣ удалаться на покой въ свою джюламейку. Возведеніемъ степныхъ укрѣпленій онъ умиротворялъ значительную часть средней и восточной части степи; баранта здѣсь почти повсемѣстно прекратилась; безпрепятственно и совершенно безопасно можно было даже малыми отрядами и партіями пускаться въ степь, и лучшимъ опроверженіемъ всѣхъ нападокъ, которымъ подвергалось управленіе генерала Обручева за возведеніе этихъ укрѣпленій, со стороны его ближайшаго преемника, будто бы рѣшительно не обезпечивающихъ спокойствія въ степи, можетъ служить состояніе западной части степи,

гдѣ таковыхъ укрѣпленій не было, гдѣ Киргизы (по преимуществу Адаевского рода) были самыми безпокойными еосѣдами, сносились постоянно съ Хивой, барантовали, грабили, не платили кибиточнаго сбора, и гдѣ непрерывно появлялись Хивинскіе чиновники съ фирманами хана, подстрекавшіе ихъ къ безпорядкамъ и возстановлявшіе ихъ противъ Русскаго правительства.

Такое неустройство западной части Киргизской степи засталъ еще въ 1858 году генераль Катенинъ во время своей экспедиціи; оно продолжается въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ даже до настоящаго времени, и вынудило какъ генераль-адъютанта Катенина, такъ и его преемника генераль-адъютанта Безака обратиться снова къ тѣмъ же предположеніямъ, высказаннымъ еще въ 40-хъ годахъ генераломъ Обручевымъ, но которыя, къ сожалѣнію, были отвергнуты.

Генераль Обручевъ въ проектѣ своемъ руководился слѣдующими соображеніями: «Западная часть степи раздѣляется рѣкою Эмбою на двѣ части: сѣверную и южную. Первая, разстилающаяся между Эмбою, Ураломъ и Мугоджарскими горами, изобилуетъ прекрасными пастбищами и богата хорошою проточною водою; южная же, лежащая между Эмбою, Каспійскимъ и Аральскимъ моремъ, представляетъ пространство безплодное, безводное, покрытое солонцами, гдѣ вода добывается изъ колодезь и то при нѣкоторыхъ только урочищахъ. Киргизы отдаленныхъ отъ линіи и намъ непріязненныхъ родовъ (Адаевцы, Чиклинцы, Табынцы), кочуютъ зимою обыкновенно въ южной половинѣ, по сѣверному берегу Аральскаго моря, въ пескахъ Барсуки и даже подъ самую Хивой; съ наступленіемъ же весны они съ своими огромными

стадами переходить черезъ Эмбу въ сѣверную половину, и осенью возвращаются опять назадъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ главнымъ образомъ совершается этотъ переходъ, именно на верховьяхъ Эмбы, въ близкомъ разстояніи отъ бывшаго Эмбенскаго укрѣпленія, и гдѣ проходятъ караваны изъ Хивы на линію и обратно. Обручевъ предполагалъ возвести укрѣпленіе на р. Темиръ въ 30 верстахъ выше бывшаго Эмбенскаго укрѣпленія, дабы имѣть въ своихъ рукахъ этотъ важный пунктъ перекочевокъ изъ безплодной части степи въ плодородную и поставить кочующихъ въ этихъ мѣстахъ Киргизъ въ полную зависимость отъ Русскаго правительства. Но не ограничиваясь одною этою мѣрой, генералъ Обручевъ былъ убѣжденъ въ необходимости занять немедленно Хиву, что, по его мнѣнію, не требовало бы большихъ средствъ, и представилъ даже подробный обстоятельный планъ похода въ Хиву. Взятіе Хивы прикрыло бы, по его мнѣнію, Киргизскую степь отъ вмѣшательства враждебныхъ намъ хищниковъ, обезпечило бы рыбопромышленность на Каспійскомъ морѣ и укрѣпило бы за нами Туркменъ, давно уже ищущихъ нашего покровительства. Хива сдѣлалась бы складочнымъ мѣстомъ для нашихъ товаровъ, которые могли бы доставляться съ линіи и изъ Астрахани для сбыта во всѣ среднеазіатскія владѣнія. Мы пріобрѣли бы съ занятіемъ Хивы и водвореніемъ нашимъ въ Хивинской области Аму-Дарью, а владѣя долиною Аму и проникая мало по малу вверхъ по ней до Балха и до Кундуза, усилили бы свое вліяніе на Бухару и на другія среднеазіатскія владѣнія и парализовали бы вліяніе Англичанъ. Генералъ Обручевъ опасался, что съ занятіемъ Афганистана, Герать, Маймане, Балхъ

и Кундузъ будутъ въ ихъ рукахъ, что Англійскіе пароходы явятся по Аму-Дарьѣ въ Аральское море, Англійскіе же агенты въ Хивѣ, Бухарѣ и Ташкентѣ будутъ намъ строить всевозможныя ковы и затрудненія въ Средней Азій, а черезъ посредство Кокана и Хивы въ нашей Киргизской ордѣ. Для обезпеченія же нашей степи со стороны Кокана генераль Обручевъ указывалъ на необходимость занять Ахъ-Мечеть.

Планы и проекты его не были приняты. Какія были къ тому побудительныя причины—рѣшить трудно, и мы можемъ объяснить это или чрезмѣрною осторожностью нашей политики въ отношеніи къ азіятскимъ дѣламъ и боязнью навлечь на себя неудовольствіе Англичанъ, чѣмъ всегда отличалась политика графа Нессельроде или же интригою противъ генерала Обручева нѣкоторыхъ весьма вліятельныхъ лицъ, для которыхъ всякого рода успѣхи въ степи и къ Средней Азій были явнымъ укоромъ за всѣ прежнія ошибки; несчастная же экспедиція въ Хиву 1839 года была достаточною причиною, чтобы остановить предположенія и планы другаго лица, который, можетъ быть съ меньшими средствами, успѣлъ бы достигнуть той же цѣли, къ которой стремились многіе и къ которой рано или поздно мы все-таки должны будемъ придти.

Обручеву возражали, что укрѣпленіе на Темирѣ для обузданія Киргизъ западной части степи не нужно, что для этого достаточно посылать въ извѣстное время летучіе казачьи отряды, что вліяніе наше въ степи можетъ только тогда утвердиться, когда въ степи водворится прочно и вѣрно русское населеніе. Но послѣдствія доказали противное. Уже генераль Катенинъ въ

1858 году пришелъ къ убѣжденію, что для сдержанія въ повиновеніи Киргизъ въ западной части степи и рѣшительнаго закрѣпленія за нами Туркменъ, укрѣпленія на Эмбѣ и въ разныхъ мѣстахъ степи необходимы; что же касается до водворенія русскаго земледѣльческаго населенія въ степи, то этого мы еще десятки лѣтъ не дождемся. Мы будемъ, пожалуй, переселять сюда силой народъ, силой обращать ихъ въ казаковъ, какъ это было и на Амурѣ и что вѣроятно не повторится другой разъ, но добровольныхъ населеній въ глубинѣ степи мы долго не увидимъ. Иныя выгоды заманиваютъ сюда въ степь русское промышленное населеніе.

Его влечетъ сюда извозъ, торговля, ремесленность и всякаго рода издѣльный промыселъ, хорошо вознаграждающій его труды, ради чего съ такою охотою бросается въ путь съ котомкою за плечами велико-русская артель во всѣ окраины необъятной своей родины, въ такъ мѣтко называемую имъ *дурацкую сторону*, гдѣ въ проворныхъ его рукахъ и смышленной головѣ такъ нуждается туземное населеніе, но земледѣльцемъ онъ здѣсь никогда не будетъ. Но земледѣліе возможно здѣсь на оборотъ для туземцевъ Киргизъ. Это здѣшнему краю прирожденная рабочая сила и ею всѣми средствами надо пользоваться. Примѣромъ тому и доказательствомъ можетъ служить Астраханская губернія, гдѣ лучшими работниками являются Калмыки, освоившіеся и съ почвою и съ климатомъ, и наконецъ Сыръ-Дарьинскіе Киргизы и Каракалпаки. Хлѣбопашество можетъ быть здѣсь исключительно почти поливное, къ которому Русскій крестьянинъ не привыкъ и на которое онъ никогда не согласится, имѣя въ виду болѣе легкія и прибыльныя

занятія. Давно уже въ разныхъ мѣстахъ степи по берегамъ степныхъ рѣчекъ и озеръ стали Киргизы заниматься хлѣбопашествомъ. Гибель стадъ, случайныя невзгоды и нищета заставили кочевника обратиться въ земледѣльца и подвергаться неимовернымъ трудамъ для воздѣлыванія своего клочка земли. Орудій у нихъ мало, да и тѣ самаго первобытнаго свойства—лопата да мотыга. Безъ искусственнаго орошенія ничего тутъ не можетъ родиться, и вотъ Киргизъ раздѣляетъ свой клочекъ земляными насыпями на квадратики различной величины, смотря потому, какова наклонность его поля, и потомъ проводитъ нѣсколько канавъ, соединенныхъ съ одной стороны съ рѣкою или озеромъ, а съ другой съ самымъ дальнимъ и высоко-лежащимъ квадратомъ. Ежели почва возвышается со стороны рѣки, то канавы прорѣзываются еще поперечными плотинами, дабы удерживать набранную съ трудомъ воду; если же почва покатая съ самаго берега, то орошеніе производится безъ канавъ прямо изъ рѣки или озера. Трудолюбивый бѣднякъ Киргизъ наполняетъ самый высокій квадратъ водою, черпая ее кожанымъ мѣшкомъ изъ рѣчки или озера, прорываетъ плотинку, отдѣляющую первый квадратъ изъ ближайшаго и спускаетъ воду, потомъ задѣлываетъ плотину и начинаетъ снова эту египетскую работу, которую продолжаетъ по нѣскольку разъ въ годъ. Много нужно терпѣнія, навыка и трудолюбія для такой работы и сомнительно, чтобы она была подъ силу Русскому крестьянину. Но когда въ степи образовалось уже ядро туземнаго трудолюбиваго населенія, обрабатывающаго родную почву, то имъ нужно дорожить, беречь, какъ зѣнину ока, и поощрять всѣми зависящими отъ насъ сред-

ствами. Между тѣмъ въ 40-хъ и даже 50-хъ годахъ господствовало убѣжденіе въ административной сферѣ Оренбургскаго края, что развитіе хлѣбопашества въ степи между Киргизами *вредитъ нашимъ интересамъ*, отвлекая послѣднихъ отъ скотоводства, которое единственно и дѣлаетъ ихъ полезными Россіи, и лишая пограничныя Русскія поселенія единственнаго и легчайшаго способа сбыта своихъ сельскихъ произведеній.

Обручевъ былъ другаго мнѣнія. Онъ, на оборотъ только и думалъ о замирненіи степи и въ степныхъ укрѣпленіяхъ видѣлъ лучшее къ тому средство, надѣясь около нихъ сгруппировать все болѣе и болѣе мирное сельское населеніе изъ туземцевъ, которые, привязанные къ почвѣ, стали бы вѣрными и надежными слугами правительства, кормя вмѣстѣ съ тѣмъ разсыянные по степи Русскіе гарнизоны.

Что въ этомъ отношеніи взглядъ его былъ вѣренъ, доказывается всѣми послѣдующими мѣрами—именно возведеніемъ новыхъ укрѣпленій въ разныхъ мѣстахъ степи и окончательною отмѣной, правда, въ весьма недавнее время, *запрещенія разширять земледѣліе, переходить къ оспѣлости, постройкѣ домовъ и распаишкѣ новыхъ полей*, а слѣдовательно сближенію съ Русскою жизнью и съ обычаями мирнаго земледѣльческаго населенія, чѣмъ должны же рано или поздно сдѣлаться Киргизы и чему явнымъ служить подтвержденіемъ сравнительно бѣльшее благосостояніе Киргизъ восточной части степи, т. е. ближайшихъ къ Оренбургской линіи, гдѣ и народонаселеніе въ послѣднее время стало быстро увеличиваться и гдѣ теперь не только не слышно о разбояхъ или какой-нибудь опасности, но мож-

но, какъ и вездѣ въ Россіи, ѣхать на почтовыхъ отъ самаго Орска до Сыръ-Дарьи.

IV.

Расходились съ Обручевымъ и въ его военно-политическихъ планахъ касательно сопредѣльныхъ намъ среднеазіатскихъ владѣній. Вниманіе Обручева было обращено главнымъ образомъ на Хиву и на Аму-Дарью. Въ его глазахъ мѣстность эта имѣла для Россіи величайшую важность и въ торговомъ и политическомъ отношеніи; его преемники всю свою дѣятельность устремляли на Сыръ-Дарью и на Коканъ. По ихъ убѣжденію, Хива начала утрачивать свое значеніе и занятіе ея, не принося большой выгоды, возбудить только неудовольствіе Европы, породить намъ бездну дипломатическихъ затрудненій, и кромѣ того сопряжено съ большими неудобствами для движенія войска по безплодному Кызылкуму. Обладаніе же Аму-Дарьей, главнымъ торговымъ путемъ между Хивой и Бухарой, возбудить неудовольствіе Бухары, тогда какъ съ Коканомъ эмиръ Бухарскій находится въ постоянной враждѣ и наши успѣхи на верхнихъ частяхъ Сыръ-Дарьи не встрѣтятъ съ его стороны неудовольствія или энергическаго противодѣйствія. Указывая на Аму-Дарью, Обручевъ имѣлъ, конечно, въ виду, кромѣ упроченія нашего вліянія на среднеазіатскія владѣнія, возможность снабжать наши укрѣпленныя поселенія на Аральскомъ морѣ необходимымъ строительнымъ матеріаломъ, но ему возражали, что «Аму-Дарья представляетъ для этого гораздо менѣе удобствъ, нежели Сыръ-Дарья, что вся нижняя

и средняя часть рѣки степна и безлѣсна, что лѣса начинаются только около Кундуза, гдѣ рѣка не судоходна, что путь по Аму-Дарьѣ отъ верховьевъ до устья идетъ черезъ три непрерывно враждующія ханства Кундузское, Бухарское и Хивинское и наконецъ, что если бы даже была возможность доставлять всѣ необходимые матеріалы съ верховьевъ Аму до устья, то перевозить ихъ въ Раимское укрѣпленіе пришлось бы почти поперекъ всего Аральскаго моря. Рѣка же Сыръ-Дарья предоставляетъ для этого гораздо болѣе удобствъ. Уже въ среднихъ частяхъ ея есть горы, обильныя лѣсомъ; эта часть ея долины лежитъ въ Коканскихъ владѣніяхъ, которыя составляютъ лучшую, плодороднѣйшую и по климату самую здоровую часть Средней Азіи, и лежитъ на прямомъ торговомъ пути изъ Россіи въ Китайскій Туркестанъ, который вмѣстѣ съ Китайскою Монголіей представляетъ самый выгодный рынокъ для произведеній отечественной нашей промышленности, и что ставши, наконецъ, твердою ногой на Аральскомъ морѣ и на устьяхъ Сыра, мы должны такимъ образомъ обратить все свое вниманіе на Коканъ, ибо съ занятіемъ Сыра, Хива утратила для насъ свое прежнее значеніе. Къ тому же на Коканъ можно дѣйствовать съ двухъ сторонъ: и съ Аральскаго моря и со стороны Сибири».

Такой взглядъ на наши среднеазіятскія дѣла одержалъ верхъ и съ 50-хъ годовъ всѣ наши стремленія были направлены на Сыръ-Дарью, на Коканъ, и руководящею цѣлью всѣхъ нашихъ дѣйствій было соединеніе Сыръ-Дарьинской линіи съ Сибирскою и проведеніе прочной и выгодной государственной границы съ среднеазіатскими

владѣніями. Но какъ нерѣдко случается, мы слишкомъ увлеклись въ одну сторону и, преслѣдуя одну цѣль, забыли другіе пункты не менѣе важные и въ торговомъ и политическомъ отношеніи, забыли восточный берегъ Каспійскаго моря, Туркменъ, забыли наконецъ Хиву, которая, однакоже, не переставала имѣть и имѣетъ до сихъ поръ для насъ значеніе, забыли Аму-Дарью, безъ обладанія устьями которой намъ никогда нельзя считать себя, къ чему однакоже ведетъ насъ сама исторія, полными хозяевами Средней Азіи, и что мы теперь начинаемъ понимать и глубже и яснѣе, чѣмъ когда либо. И въ этомъ отношеніи, позволяемъ себѣ думать, генераль Обручевъ смотрѣлъ на среднеазіятскій вопросъ и шире и правильнѣе своихъ порицателей. Значенія для насъ Сыръ-Дарьи, какъ лучшей естественной границы какъ, удобнаго пути для снабженія нашихъ укрѣпленій необходимыми матеріалами, отрицать никто не будетъ и тѣмъ менѣе можно упрекнуть въ этомъ Обручева, указывавшаго прямо на необходимость занятія Акъ-Мечети (теперешній фортъ Перовскій), но не забудемъ, что въ 40-хъ годахъ самая мысль о возможности соединенія нашихъ укрѣпленій на Сыръ-Дарьѣ съ Сибирскою линіей едва только зарождалась. Мы бродили еще въ совершенныхъ потемкахъ до такой степени, что генераль-губернаторъ западной Сибири князь Горчаковъ на запросъ, въ какой степени возможно его содѣйствіе со стороны Сибири для занятія Сыръ-Дарьи, отвѣчалъ «что у него нѣтъ никакихъ свѣдѣній о путяхъ къ Сыръ-Дарьѣ и о томъ пространствѣ которое слѣдовало бы пройти для этого нашимъ войскамъ». Въ отношеніи къ Хивѣ Обручевъ былъ послѣдователемъ всей нашей прежней политики, и смотрѣлъ на Хиву п

на устья Аму, какъ смотрѣли и лучшіе наши люди бывалые въ Хивѣ и наши политическіе агенты и наши торговые люди, со словъ которыхъ первые писали, конечно, свои донесенія. «Если бы Хива принадлежала намъ, писалъ еще Муравьевъ, то быстро бы развилась въ ней промышленная дѣятельность и страна сія была бы очень полезна нашей торговлѣ, потому что товары изъ верхней Азіи и даже изъ Индіи можно было бы везти черезъ Хиву въ Астрахань. Ежели торговля въ ней не расширяется, то виною тому грабежи кочевыхъ племенъ. Будь Хива въ нашей власти, мы могли бы установить торговый путь по Аму-Дарьѣ. Многія другія государства стануть въ зависимость отъ насъ, какъ только мы овладѣли Хивой, потому что эта страна можетъ препятствовать съ одной стороны сношеніямъ Россіи, а съ другой сношеніямъ Бухаріи съ Сѣвѣрною Индіей. Приведя Хиву въ зависимость отъ себя, мы сдѣлаемъ этотъ оазисъ, лежащій среди песковъ, средоточіемъ Азіатской торговли, и до самой глубины Индіи потрясется бы торговое превосходство Англіи, господствующей на моряхъ.» Отбрасывая нѣкоторыя крайности и увлеченія, основная мысль остается та-же, къ которой не разъ у насъ возвращались, и которую встрѣтимъ очень часто и до сихъ поръ, — что Хива имѣетъ все данныя, дабы сдѣлаться однимъ изъ важнѣйшихъ среднеазіатскихъ рынкомъ. Единственная для Хивы выгодная торговля—это съ Россіей. Снабжая ханство нашими сукнами, юфтью, чугуномъ, сахаромъ, шелковыми и бумажными издѣліями, мы вмѣстѣ съ тѣмъ открываемъ сбытъ ихъ сырымъ матеріаламъ (въ особенности хлопку и маренѣ) и грубымъ издѣліямъ ихъ промышленности (бязь и халаты), раскупаемымъ Киргизами и ногайцами

жителями. Съ сосѣдними среднеазіятскими владѣніями Хива выгодныхъ торговыхъ оборотовъ имѣть не можетъ, потому что продукты у нихъ одни и тѣ же, а за произведенія болѣе развитой Бухарской промышленности Хивинцы должны платить наличными деньгами, ежели у нихъ нѣтъ въ запасѣ Русскихъ товаровъ. Прекращеніе торговыхъ связей съ Россіей, какъ это было напр. съ 1836—40-й годъ, отзывается, по отзыву самихъ Хивинскихъ купцовъ, бѣдственно на всей Хивѣ, и приходъ Русскаго каравана въ 1842 г., послѣ долгаго перерыва, былъ благодѣяніемъ для цѣлой страны. Только бѣдность народа, страдающаго отъ самаго ужаснаго ханскаго произвола, постоянныхъ неурядицъ и насилія и почти не прекращающихся усобицъ съ Туркменами, сопровождающихся грабежами и хищничествомъ, не даетъ развиваться его потребностямъ, которыя въ высшей степени ограничены и не представляютъ выгоднаго и широкаго рынка. Но стоить только внести нѣсколько порядка и устройства въ несчастную страну, дать ей отдохнуть и обороты торговли примутъ совершенно иные размѣры. Хива перестанетъ быть разбойничьимъ гнѣздомъ, ищущимъ себѣ наживы отъ разграбленія каравановъ и притѣсненій—почти единственныхъ средствъ для пополненія казны ханской. Съ 1853 года почти до сихъ поръ продолжалась постоянная рѣзня между Хивинцами и Туркменами, доведшая Хиву до крайняго разоренія. Они едва успѣвали снять хлѣбъ, необходимый для продовольствія; посѣвы хлопка и марены были самые ничтожныя и вся торговля ихъ, и то самыми необходимыми для жизни предметами, ограничивалась съ Бухарой и съ Туркменскими поколѣніями Такъ—Сырикъ, занимающими пространство къ югу отъ Хивы къ границамъ

Персіи и Афганистана. Только года два-три тому назадъ рѣзня нѣсколько поутихла, потому что между самими Туркменами возникли раздоры и усобицы. Хивинцы могли уже отправить въ 1862-мъ году караванъ, который, однакоже, изъ опасенія грабежей, не пошелъ прямымъ путемъ черезъ Кунградъ, по западному берегу Аральскаго моря, но обогнулъ его по восточному берегу и пришелъ Бухарскимъ трактомъ въ Казалу, сдѣлавъ лишнихъ 300 верстъ. Что будетъ далѣе не извѣстно; — общая рѣзня, голодъ и моръ обезсилили народонаселеніе и произвели временное затишье, но такъ бывало не рѣдко и прежде, и сомнительно, чтобы безъ сильной руки извнѣ—несчастная страна поправилась и отдохнула. Во всякомъ случаѣ намъ не должно забывать, что Хива—это ближайшій къ намъ среднеазіатскій рынокъ, что путь туда и кратче и удобнѣе, и что ежели другіе азіатскіе рынки по своей обширности намъ выгоднѣе, то Хива можетъ легко сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ для нашихъ товаровъ и нашею торговою конторой, гдѣ присутствіе Русскаго купечества ознакомитъ его съ потребностями среднеазіатскихъ рынковъ. О значеніи Русской торговли въ Хивѣ говоритъ и Вамберн (*), безпристрастный судья и имѣвшій возможность близко взглядѣться въ жизнь и общественныя отношенія Средней Азіи. «Главные торговые обороты, говоритъ онъ, производитъ Хива съ Россіей».

Но съ значеніемъ для насъ Хивы тѣсно связано значеніе Аму-Дарьи, которую мы совсѣмъ забыли, а безъ обладанія устьями которой для насъ не мыслимо прочное и вѣрное водвореніе въ Средней Азіи. Неужели же этой пре-

(*) Vambery Reise in Mittelasien.

красной, величественной рѣкѣ на вѣки суждено будетъ носить на струяхъ своихъ безобразныя Хивинскія посудины, и берегамъ ея, отъ устья и до истоковъ у подошвы Гиндукуша, быть пустыннымъ и печальнымъ мѣстопребываніемъ дикихъ кочевниковъ, враждебныхъ всякому зародышу гражданской жизни, а она одна только и можетъ позволить человѣку воспользоваться дарами, ниспосылаемыми ему Творцомъ, которыхъ здѣсь такъ много и которые только ждуть трудолюбивыхъ дѣятелей и гражданского порядка, чтобы выйти на свѣтъ Божій для блага и перерожденія несчастнаго, угнетеннаго, нищенскаго человѣчества, обитающаго по берегамъ этой царственной рѣки. И ежели положительныя свѣдѣнія говорятъ, что Аму судоходна до самого Чардуя, т. е. до глубины Бухары, то значеніе Хивы, Аральскаго моря и Аму-Дарьи пріобрѣтаютъ для насъ все болѣе и болѣе важности въ промышленномъ отношеніи, особенно ежели есть возможность, — на что также въ послѣднее время обращено вниманіе, — возстановить старинный торговый путь отъ восточнаго берега Каспійскаго моря въ Хиву, путь на половину кратчайшій противъ обычнаго нынѣ караваннаго пути изъ Оренбурга въ Хиву черезъ Усть-Уртъ. Въ настоящее время караванный путь между Оренбургомъ и Хивой совершается въ 45 и 50 дней. Онъ теперь и удобнѣе и безопаснѣе прочихъ степныхъ путей, пролегая по кочевьямъ Киргизъ, совершенно уже замирившихъ, тогда какъ пути отъ Каспійскаго моря представляютъ опасности отъ грабительства кочующихъ Туркменъ, но за то отъ Балханскаго залива до Хивы считается не болѣе 13 дней караваннаго пути и на всемъ этомъ протяженіи можно имѣть хорошую воду изъ колодезъ, находящихся

въ лошадѣ стараго русла Аму-Дарьи. Путь этотъ выходитъ, кромѣ того, прямо въ самую населенную часть Хивинскаго ханствѣ, къ городу Куля-Ургенчу. Восстановивъ старый торговый путь, караваны могутъ идти до Бухары черезъ Хиву въ 24 дня, тогда какъ теперь они приходятъ въ Бухару изъ Оренбурга и Троицка въ 55-ть и даже болѣе дней. Но торговая и транспортная выгоды должны еще очевидно увеличиться, ежели откроется водный путь по Аму, существующій, конечно, въ самыхъ грубыхъ и безобразныхъ формахъ, и въ настоящее время отъ Чардуга до Хивинскаго города Кунграда, на протяженіи слишкомъ 1,000 верстъ, и о возможности котораго удавалось слышать намъ не разъ отъ нашихъ купцовъ. Что все это не пустая фантазія, лучшимъ доказательствомъ могутъ служить вновь возбужденныя въ 1858 году, и не только до сихъ поръ не оставленныя, но можетъ быть и близкія къ осуществленію попытки къ сооруженію укрѣпленія и факторіи въ одномъ изъ удобныхъ для этого мѣстностей восточнаго берега Каспійскаго моря. Въ необходимости этой мѣры одинаково были убѣждены и генераль-адъютантъ Катенинъ и намѣстникъ Кавказскій князь Барятинскій, вслѣдствіе необыкновенно усиливавшихся въ 1858 году разбоевъ со стороны Туркменъ. Генераль-адъютантъ Катенинъ признавалъ необходимымъ открыть новый 4 отдѣлъ управленія Зауральской степи, въ составъ котораго должны были поступить и сосѣдственные Туркменскіе роды, и возвести укрѣпленную факторію съ военнымъ гарнизономъ въ Балханскомъ заливѣ, которое бы дало намъ возможность ограждать нашу торговлю отъ Туркменъ, имѣть надъ ними наблюденіе и поддерживать ихъ противъ Хивинцевъ. Точно та-

кого же мѣня былъ и князь Барятинскій, выразившій кромѣ того еще мысль о необходимости содѣйствія этому дѣлу, особенно въ виду привлеченія торговыми выгодами Туркменъ, Закаспійскаго товарищества, успѣвшаго уже завязать торговыя связи съ послѣдними. Ежели эти планы и не состоялись, то все же ясно признанная необходимость въ завязкѣ торговыхъ сношеній со стороны восточнаго берега Каспійскаго моря, обозначенія ихъ со стороны Туркменъ, замиренія западной части степи — высказана была такъ ясно двумя управленіями, что безъ послѣдствій остаться не могла. Ближайшимъ результатомъ была рекогносцировка юго-восточнаго берега Каспія, подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Дандевилля, которая успѣла сдѣлать съемку $36\frac{1}{2}$ т. кв. верстъ и выбрать удобные пункты для укрѣпленій. Политическія соображенія заставили отложить учрежденіе укрѣпленной факторіи до болѣе благопріятнаго времени, и только въ нынѣшнемъ году снова вызванъ этотъ вопросъ съ прежней силой, ясно доказывая, что пришло время возвратиться къ старому, — давно, къ сожалѣнію, забытому торговому пути и нагнать потерянное и безплодно потраченное время.

Не будемъ здѣсь никого обвинять лично, ибо винить въ такихъ вопросахъ трудно, не зная во всѣхъ подробностяхъ ни обстоятельствъ, ни соображеній, которыми руководилось правительство. Это дѣло будущаго историка, которому удастся когда-нибудь разобрать пыльные архивы нашихъ азійскихъ дѣлъ, но нельзя не подмѣтить и здѣсь одной несчастной черты, отличающей нашу и внутреннюю и внѣшнюю политику — это отсутствіе правильно и строго начертаннаго плана въ среднеазійскомъ вопросѣ, неуклонно и

твердо слѣдуя которому, безъ скачковъ впередъ и отступленія назадъ, мы вѣроятно пришли бы скорѣе къ желанной цѣли, объ осуществленіи которой такъ крѣпко еще задумалъ великій хозяинъ Россіи начала прошлаго столѣтія. Но нельзя же и не помянуть добрымъ словомъ тѣхъ, чья дѣятельность не громкая, скромная и потому забытая, можетъ быть ближе была къ осуществленію этой цѣли и руководилась болѣе обдуманнѣмъ планомъ.

Мы указали выше на благія послѣдствія степныхъ укрѣпленій, возведенныхъ Обручевымъ, на сознannую имъ необходимость укрѣпленій въ западной части степи для занятія Хивы и Аму-Дарьи. Все это начинается приводиться теперь въ исполненіе, частью и осуществилось уже по его указаніямъ. Занятіе Аму-Дарьи сочли невыгоднымъ и не соответствующимъ нуждамъ края и нашей торговли, хотя занятіе Хивы и было рѣшено еще въ 1839. Но что же такое занятіе Хивы, какъ не водвореніе наше въ рѣчной области Аму? Послушаемъ же, что говоритъ одинъ изъ дѣятелей Оренбургскаго края, которому мы обязаны въ высшей степени поучительными и любопытными свѣдѣніями о нашихъ среднеазіатскихъ дѣлахъ—Полковникъ Залѣсовъ. Его письма изъ степи, Хивы и Бухары; историческій очеркъ нашихъ сношеній съ Бухарой; посольство Никифорова въ Хиву—могутъ считаться на ряду съ лучшими произведеніями нашей и иностранной литературы по отношенію къ дѣламъ Средней Азіи. Вотъ что говорилъ онъ въ своей запискѣ, поданной генераль-адъютанту Катенину объ Аму-Дарьѣ и выдержки изъ которой онъ помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

«Говоря о дельтѣ Аму, я не разумѣю подъ этимъ

словомъ только того клочка земли, на которомъ стоитъ Кунградъ; напротивъ, намъ слѣдуетъ занять пространство по теченію Аму отъ устій до канала Лаудана, или что тоже самое, до крѣпости Бендъ, ибо только съ утвержденіемъ на этомъ пространствѣ мы получимъ для нашего приобрѣтенія такія границы, которыя не позволятъ оборонять его небольшими силами. Границы эти будутъ: съ сѣвера—Араль, съ запада—Айбугиръ, съ востока—Талдыкъ и вообще разливы Аму, а съ юга—Лауданъ. Устроивъ опорные пункты въ Бендѣ и Кунградѣ, мы получимъ возможность съ успѣхомъ вести оборону какъ противу Хивы, такъ противу Туркменъ и даже, если бы привелось, то и противу жителей Кунградской области.

«Такой успѣхъ намъ обезпечиваютъ:

1) Естественныя препятствія, представляемыя Лауданомъ и Айбугиромъ.

2) До неимовѣрности пересѣченная мѣстность Кунградской области, представляющая на каждомъ шагу превосходное укрытіе для стрѣлковъ.

3) Возможность, владѣя рѣкою, уничтожать на пространствахъ между крѣпостью Бендъ и Кунградомъ и возводить вновь плотины, посредствомъ которыхъ вода проходитъ внутрь страны,—что можетъ сразу обезоружить цѣлое населеніе.»

Примкнувъ къ Аральскому морю и употребивъ всѣ наши усилія на завладѣніе Сыромъ, мы оставили Хиву и всю западную часть Средней Азіи съ Туркменами, которые долго уже искали подданства Русскаго правительства, безъ вниманія. Между тѣмъ опасенія Обручева о заведеніи Англичанами пароходовъ на Аму, въ началѣ 60-хъ годовъ вполне оправдались. Къ счастью нашему

и въ этомъ дѣлѣ интриги Англичанъ разбились о совершенное невѣжество Бухарскаго правительства, но мы имѣли положительныя свѣдѣнія отъ Бухарскихъ купцовъ, что какой-то Бухарскій Еврей, воротившійся изъ Англіи, началъ было строить пароходъ для плаванія по Аму. Какія могутъ отсюда выйдти послѣдствія—рѣшить не трудно, и какъ же не стараться предотвратить такіе опасныя для насъ замыслы? Занятіе Аму важно еще и тѣмъ, что открываетъ для насъ безпрепятственное сообщеніе Аральскимъ моремъ отъ устьевъ Сыра къ устьямъ Аму,—обстоятельство въ высшей степени важное и въ коммерческомъ и въ политическомъ отношеніи. «Двухлѣтнія попытки начальника Аральской флотиліи Бутакова пробраться въ Аму, пишетъ полковникъ Залѣсовъ, что ему, хотя съ трудомъ, но удавалось, не служатъ доказательствомъ невозможности плаванія нашихъ судовъ въ устьяхъ этой рѣки, если принять во вниманіе: 1) что г. Бутаковъ въ оба раза плавалъ на пароходѣ, сидящемъ 4¹/₂ фута, 2) что онъ входилъ въ Аму въ концѣ Іюня, т. е. спустя долгое время послѣ ея разлива и 3) по малому знакомству съ Аму, мы не успѣли еще изучить ни характера этой рѣки, ни періодовъ прибыли и убыли воды въ ней, ни самого фарватера разливовъ Кукъ-Узякъ и другихъ, образуемыхъ рѣкою, протоковъ. Несмотря однакоже на это, и при настоящихъ даже скудныхъ данныхъ вопросъ, о возможности проходить съ Сыра въ Аму водою — рѣшается положительно, если только наша Аральская флотилія будетъ приспособлена къ мѣстнымъ условіямъ плаванія».

Но всѣ эти задачи, какъ они ни вѣрны, покуда еще зрѣютъ и дай Богъ намъ дожидаться благодатныхъ восхо-

девѣ, которые принесутъ непечислимые выгоды нашей торговлѣ. Новыхъ издержекъ бояться нечего, ибо издержки эти возвратятся съ лихвою, а умное, расчетливое и дальновидное правительство не страшится никогда временныхъ издержекъ, какъ бы онѣ велики ни были, когда можно ожидать вѣрныхъ барышей. А развѣ это не будетъ барышъ, развѣ малъ будетъ процентъ, когда плодородная дельта Аму будетъ доставлять дешевое продовольствіе въ наши укрѣпленія, наши купцы не станутъ платить двойныхъ пошлинъ варварскимъ правительствамъ, наши караваны спокойно будутъ проходить по Туркменской степи, а движеніе по Волгѣ усилится и своими и чужеземными грузами, ибо и теперь уже слышимъ непрерывныя просьбы о разрѣшеніи транзита Волгою и Каспіемъ въ Персію и въ степи.

Но все это покуда еще *ria desideria*. Наши дѣйствія ограничивались почти исключительно Сыръ-Дарьей, гдѣ мы достигли гораздо болѣе положительныхъ результатовъ, — къ краткому очерку которыхъ обратимся въ слѣдующей статьѣ.

V.

Не ранѣе какъ съ 50-хъ годовъ начались наши дѣйствія по Сыру, свидѣтельствующія, по крайней мѣрѣ, о твердомъ намѣреніи правительства стать здѣсь твердою ногой, какъ на самой покуда удобной и неизбѣжной границѣ съ Среднеазіатскими владѣніями. Мы видѣли уже выше, что въ 30-хъ годахъ мысль о необходимостизанятія Сыръ-Дарьи получила одобреніе со стороны покойнаго Императора Николая Павловича, но въ то

время это могло еще быть не болѣе, какъ однимъ предположеніемъ. Мы знаемъ уже, что отвѣчалъ Сибирскій генералъ-губернаторъ на запросъ: есть-ли возможность соединить линію Сибирскую съ зачасками Сыръ-Дарьинской линіи со стороны Оренбургскаго вѣдомства? Важность и политическое значеніе Сыръ-Дарьи сознавалось уже давно; много было высказано блестящихъ на счетъ обладанія этою великою водною артеріей плановъ, но планы и предположенія оставались, по большей части, на бумагѣ, точно также какъ и всѣ разумныя и практическія предположенія касательно Хивы и устьевъ Аму-Дарьи. Многое, пожалуй, и начиналось, но во всѣхъ нашихъ предначертаніяхъ не было выдержки, не было заранѣе вѣрно и мѣтко обдуманнаго плана, не было послѣдовательности и настойчивости въ приведеніи къ цѣли разъ задуманныхъ плановъ, а наконецъ, во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ замѣтна со стороны правительства какая-то робость, неизвѣстно передъ кѣмъ и передъ чѣмъ, робость менѣе всего простительная въ отношеніи къ Азіятцамъ. Незизвѣстность ли страны и народовъ, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло, или опасенія не возбудить толковъ въ Европѣ вызывали такую нерѣшительность въ нашихъ дѣйствіяхъ съ Хивою и Коканомъ, двумя ближайшими сосѣдями—это рѣшить трудно, но одно вѣрно, что мы много потеряли отъ этой нерѣшительности и вѣроятно могли бы гораздо ранѣе придти къ тѣмъ же результатамъ, до которыхъ успѣли дойти только теперь, истративъ много денегъ и не пожалвъ тѣхъ результатовъ, которыхъ въ правѣ были ожидать отъ водворенія въ Средней Азіи. Когда въ 1851 году, лѣтомъ посланъ былъ отрядъ на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи,

который не встрѣтилъ не одного Хивинца и сдѣлалъ съемку на пространствѣ 8 тысячъ кв. верстъ, Государь Императоръ Николай Павловичъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, изволилъ сказать: «хорошо, что такъ обошлось, но подтвердить, на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи ни подѣ какимъ вибомъ не переправляться». Таковы были еще опасенія передъ возможностью какихъ-либо серьезныхъ столкновеній, и только настоятельныя представленія Перовскаго о необходимости въ извѣстныхъ случаяхъ переправляться черезъ Сыръ-Дарью для наказанія Хивинскихъ и Коканскихъ шаекъ, переходящихъ зимою по льду для грабежа нашихъ Киргизъ, убѣдили правительство дозволить нашимъ отрядамъ переходить на лѣвый берегъ Сыра, но только въ случаѣ крайней необходимости.

Постепенное наше водвореніе изъ Сыръ-Дарьи началось, однакожъ, не ранѣе 1852 года, въ управленіе Оренбургскимъ краемъ генералъ-адъютанта графа Перовскаго. Занятіе Сыръ-Дарьи было уже давнею мыслью Перовскаго, и сколько можно судить по его дѣятельности и въ первое и второе управленіе краемъ — онъ всегда придавалъ болѣе знанія Сыръ-Дарьи и Кокану, нежели Хивѣ и Аму-Дарьи. Это ясно доказываютъ письма къ нему капитана Никифорова изъ Хивы, сообщенныя намъ г. Залѣсовымъ въ приведенной нами уже выше статьѣ. «Позвольте здѣсь, ваше превосходительство, питетъ въ 1844 году Никифоровъ, коснуться предмета, осуществленіе котораго принесетъ несомнѣнную пользу Оренбургскому краю и самымъ вѣрнымъ образомъ упрочить вліяніе Россіи на Турокъ. Я хотѣлъ бы сказать о приведеніи въ исполненіе идеи ватего превосход-

дительства, известной мнѣ еще съ 1835 года, т. е. занятія рѣки Сыри». Наконецъ уже позднѣе, когда Среднеазіатскія дѣла возбуждали особый интересъ правительства, когда разсматривались планы Обручева, Перовскій не переставалъ указывать на Сыръ-Дарью, высказывая ясно свое убѣжденіе, что, съ занятіемъ Сыра, Хива потеряетъ все свое для насъ значеніе, что главное вниманіе слѣдуетъ обратить на Коканъ. Онъ явился прямо перипатедемъ начинаній и плановъ генерала Обручева и его мнѣніе одержало верхъ. «Хотя и не убѣжденъ—была Высочайшая резолюція,—но быть по мнѣнію и на отвѣтственности генераль-адъютанта Перовскаго».

И вотъ, т. е. съ 1852 г. начинаемъ мы постепенно и неуклонно двигаться вверхъ по Сыру, что еще въ 40-хъ годахъ казалось и намъ и Азіатскимъ сосѣдямъ нашимъ дѣломъ рѣшительно невозможнымъ, о чемъ Хивинскій ханъ боялся и подумать, говоря прямо, что *если Русскіе съ нимъ вмѣстѣ будутъ пить воду изъ Сыръ-Дарьи, то Хивинцамъ нельзя будетъ жить*.

Въ письмахъ капитана Никифорова содержатся любопытнѣйшія свѣдѣнія о Сырѣ, ея торговомъ и военномъ значеніи для Россіи. Его слова для насъ особенно важны, какъ одного изъ даровитѣйшихъ и блестящихъ сослуживцевъ Перовскаго и дѣятелей въ Оренбургскомъ краѣ, бывшаго въ степи, знакомаго и съ природою степей и съ ея обитателями и наконецъ совершенно, по-видимому, сходявшагося съ планами Перовскаго относительно Сыра.

Когда Никифоровъ отправился посломъ въ Хиву, Сыръ-Дарья въ то время была совершенно почти невѣдомою страной, а ея берега были покрыты Хивинскими и Ко-

капскими крѣпостцами, гдѣ произвольно обирался проходящіе по степи караваны и откуда выѣзжали Хивинскія и Коканскія шайки для грабежа кочующихъ по близости Киргизъ.

«Отчего до сего времени, пишетъ Никифоровъ, мы забываемъ мокрый путь Сыръ-Дарьи? Въ Хивѣ грунтъ земли такой же какъ и на Сырѣ, но она вся покрыта зеленью, исключая песковъ и пустырей. Такого же цвѣтущаго состоянія могутъ достигнуть и берега Сыръ-Дарьи, а отъ нихъ далѣе торговля съ Китаемъ могла бы перейти въ наши руки изъ рукъ Бухарцевъ, а они черезъ Коканъ получили бы наши товары.

«Вся долина Аму-Дарьи отъ Бадакшана, вся долина Сыра отъ Кокана одинаковы; вездѣ поливка полей составляетъ вознагражденіе пахарю. Со временемъ заселеніе можетъ распространиться по Кувану и далѣе по Сыру, до предѣловъ Туркестана; а торговую компанію удобнѣе учредить не въ Самаракандѣ, а въ Коканѣ для сношеній съ Яркендомъ и съ Бухарой, которая въ торговыхъ связяхъ будетъ въ нашихъ рукахъ, между тѣмъ какъ плаваніе по р. Сыру уменьшить втрое издержки найма верблюдовъ отъ Оренбурга до Бухары. Киргизы возьмутся за умѣренную плату доставить сколько нужно будетъ тяжестей на р. Сыръ. На первое время наемъ верблюда изъ Орска обойдется не дороже 12 руб. ассигнаціями; можетъ быть, найдется и телѣжный путь до р. Сыра. О водѣ не безпокойтесь, лишь бы были лопатки, которыя нароютъ въ разныхъ мѣстахъ колодцы на все время по путямъ сообщенія. Въ первое время заселенія по Сыру, жителями могутъ быть сами Киргизы, между которыми расселить Русскія семейства, и

кончится тѣмъ, что Киргизы обрусѣютъ, или же нужно предоставить значительныя льготы для желающихъ переселиться на р. Сыръ, лишь бы переселеніе это дѣлалось исподволь, по 100 или по 150 семействъ каждагодно, а когда умножатся запасы хлѣба, то и 1000 семействъ будетъ въ мѣру, лишь бы достало бревешекъ на матицы и стропила. Поля должны оставаться собственностію поселанина, иначе не будетъ усиленнаго труда и урожая. Сдѣлавъ вѣрную и подробную съемку и нивелировку, можно составить удобнѣйшій проектъ, какъ проводить каналы и какъ распредѣлять воду по заселеніямъ хуторовъ. Если Богъ дозволить мнѣ пріѣхать въ Оренбургъ, я займусь не отчетомъ, что видѣлъ, но составленіемъ проекта занятія Сыра».

Наконецъ, въ письмѣ, отъ 2 Октября, къ В. А. Перовскому, находимъ:

«Конечно, издержки будутъ значительны, но онѣ окупятся пользою для края и облегчатъ управленіе обширною Киргизскою степью. Власть пограничной коммисіи у Мугоджарскихъ горъ не имѣетъ желаемой силы, которая болѣе и болѣе исчезаетъ, по мѣрѣ приближенія къ р. Сыру. Нельзя надѣяться на введеніе желаемаго устройства и порядка въ Киргизской степи, если не будутъ основаны въ ней нѣсколько точекъ, которыя выражали бы проявленіе силы и власти Россійскаго правительства среди кочующихъ племенъ. Крайняя точка была бы на р. Сырѣ. Грунты земли въ долинѣ Аму-Дарьи совершенно одинаковы, что допускаетъ возможность довести и берега Сыра до той же степени процвѣтанія въ отношеніи первыхъ жизненныхъ потребностей, въ какомъ находится и Хивинское ханство, ко-

торое разсадило въ солончакахъ лѣса для своей домашней потребности, образовало густую тѣнь по закраинѣ бесплодныхъ песковъ, и нѣтъ клочка земли, который оставался бы бесполезнымъ; жизненные и вообще съѣстные припасы дешевы. Способъ постройки жилищъ и вообще казенныхъ зданій при заселеніи р. Сыра должно перенять отъ Хивинцевъ, съ приличнымъ измѣненіемъ. Дома ихъ прочны, стоятъ долго, сухи и въ постройкѣ дешевы.

«Хлѣба на берегахъ Сыра собираютъ два раза въ годъ: въ глазахъ нашихъ жали пшеницу и заѣвали поля просомъ. Многія потребности для хозяйства поселянину и для гарнизоновъ можно бы пріобрѣсти покупкою изъ Хивы. Хивинцы, для казармъ ихъ гарнизоновъ на р. Сырѣ, привозятъ лѣсъ въ лодкахъ по Аральскому морю. Тенюль, ветла, джида и всѣ фруктовыя деревья могутъ съ успѣхомъ произрастать на берегахъ Сыра, какъ и въ Хивѣ, и чрезъ 15 лѣтъ заселенія жители могли бы довольствоваться во всемъ произведеніями своей земли. Положите, ваше превосходительство, прочное начало сему дѣлу, и оно будетъ не послѣднимъ вѣнцомъ изъ благотворныхъ нововведеній и устройствъ, сдѣланныхъ вами въ безграничномъ Оренбургскомъ краѣ.

«Кромѣ вліянія на кочевыя племена, занятіе Сыра доставитъ несомнѣнныя и неисчислимыя выгоды въ отношеніи торговомъ, которыя упрочатъ навсегда вліяніе Россіи на Туранъ. Съ занятіемъ береговъ р. Сыра протекають слѣдующія торговыя и политическія выгоды:

«1) Оно уменьшитъ почти на половину расходы за провозъ товаровъ изъ Оренбурга и Петропавловска до Бу-

хары, а тѣмъ самымъ увеличить и вывозъ Русскихъ издѣлій.

«2) Значительно уменьшить издержки подвоза товаровъ мокрымъ путемъ до Кокана и далѣе сухимъ путемъ до Бухары. Этимъ способомъ и Коканъ съ его землями и Бухара вынуждены будутъ покупать товары изъ первыхъ рукъ у самихъ купцовъ, а не у фабрикантовъ внутри Россіи.

«3) Переведеть всю торговлю изъ Бухары въ Коканъ или на берега р. Сыра.

«4) Передать во власть Россійскаго правительства плаваніе по р. Сыру и Аральскому морю.

«5) Откроетъ путь Россійскимъ купцамъ въ Китай, чрезъ Яркендъ. Если таможенные сборы на Кяхтѣ составляютъ такой значительный итогъ для правительства, то впослѣдствіи времени пошлинный сборъ съ товаровъ, вымѣниваемыхъ въ Яркендѣ, можетъ достигнуть до того же итога всеобщимъ употребленіемъ чая въ Россіи и сбытомъ его за границу въ Европу, гдѣ вымѣниваемый Русскими купцами чай можетъ такъ же высоко цѣниться Европейцами, какъ онъ цѣнится у жителей Турана и какъ оцѣнилъ его капитанъ Борнсъ, въ бытность его въ Бухарѣ.

«Занятіе р. Сыра сдѣлаетъ Оренбургъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, прольетъ новые капиталы въ Оренбургскомъ краѣ, и Русскіе купцы промѣномъ нашихъ товаровъ въ Китай чрезъ Яркендъ изъ первыхъ рукъ, могутъ снабжать чаемъ весь Туранъ.»

Но ежели движеніе наше только съ 1852 г. начинаетъ принимать серьезный характеръ, то не забудемъ, что многое было уже подготовлено и что событія, совер-

шившіяся въ Западной Сибири на нашихъ границахъ, много способствовали къ облегченію такихъ замысловъ. Возведение степныхъ укрѣпленій въ Зауральской степи и на устьяхъ Сыра умиротворило степь, много расширило наши свѣдѣнія о самой рѣкѣ и облегчило возможность дальнѣйшихъ предпріятій. Тоже самое было и въ Сибирской степи въ теченіе 40-хъ годовъ. Ежели въ началѣ 40-хъ годовъ гене-ралъ-губернаторъ Западной Сибири не зналъ еще свойства путей къ Сыръ-Дарьѣ, то въ продолженіе 40-хъ годовъ управленіе Западною Сибирью сдѣлало значительный шагъ впередъ и силою обстоятельствъ вынуждено было постепенно подвигаться къ завѣтной рѣкѣ. Для большей связи въ изложеніи нашего водворенія въ Средней Азіи, мы считаемъ необходимымъ снова возвратиться къ степи Сибирскаго вѣдомства, и представить краткій очеркъ дѣйствій нашихъ съ этой стороны.

Еще въ 1818 году Киргизы Юсупской волости Большой орды, въ лицѣ своего султана Сюнь-Аблайханова, ходатайствовали о принятіи ихъ въ наше подданство, и ежели официально подданство ихъ было признано въ 1819 году, то эта зависимость была чисто номинальная. Въ степи не было еще нашихъ укрѣпленій, кочевья ихъ весьма были далеки отъ Сибирской линіи и средствъ у Сибирскаго вѣдомства было мало, чтобы держать ихъ въ полномъ повиновеніи. Разбои Кенисары въ степи, набѣги и поборы Коканцевъ, а съ другой стороны водвореніе въ степи Средней орды бѣльшаго порядка, благодаря степнымъ укрѣпленіямъ привлекли главные и ближайшіе роды Киргизовъ Большой орды и склоняли ихъ искать подданства Россійскому правительству. Правительство согласилось, но подъ условіемъ, чтобы Киргизы

Большой орды отказались отъ всякаго содѣйствія Кенисарѣ, находившемуся въ то время въ Семирѣченскомъ краѣ; для поддержанія же власти надъ ордой положено было въ 1848 году возвести Копальское укрѣпленіе, гдѣ былъ населенъ 10-й полкъ Сибирскаго козачьяго войска и которое должно было вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивать наши караванные пути въ Кульджу и Чугучакъ. Естественно, что наше приближеніе къ границамъ Кокана и принятіе въ подданство Большой орды должно было вызвать непріятельскія дѣйствія со стороны Коканцевъ и подвластныхъ имъ Киргизъ. Весь 1848 и 1849 и 1850 г. были весьма безпокойны. Привлекая угрозами и льстивыми обѣщаніями Зайлійскія волости Киргизъ Большой орды, Коканцы въ соединеніи съ ними задумали сдѣлать рѣшительное нападеніе на Копаль, съ цѣлью его уничтожить. Поручено было сдѣлать починъ старому уважаемому султану дулатовскихъ Киргизъ, Али. Али этотъ былъ подданнымъ трехъ государей. Въ юности своей онъ ѣздилъ въ Пекинъ представляться ко двору богдыхана Ицязина; послѣ того долгое время родъ его былъ подвластенъ Кокану, даже и тогда, когда депутаты орды присягнули на вѣрность Россіи. Когда составился заговоръ уничтожить Копальское укрѣпленіе, Али кочевалъ на рѣкѣ Коксу. Взвѣсивая вѣроятность успѣха, умный старикъ отговаривался, медлилъ и на упреки и негодованіе отвѣчалъ своимъ соплеменнымъ родоначальникамъ: «достопочтенные бѣи и султаны: змѣя, когда идетъ къ норѣ, ползетъ тихо и извиваясь; только лишь у самого отверстія она выпрямляется и тогда уже быстро стремится къ цѣли».

Дѣло это такимъ образомъ затянулось и разстроилось,

но Коканцы успѣли однакоже въ соединеніи съ Дулаковцами и Джалоирами, главными родами Запѣйскихъ Киргизъ Большой орды, привести въ оборонительное положеніе Таучубековское укрѣпленіе при впаденіи рѣки Алматы въ Кескелепъ, откуда тревожили нашихъ Киргизъ и беспокоили наши торговые пути. Тогда рѣшено было, особенно когда огромное скопище Киргизъ напало измѣннически на нашъ небольшой отрядъ, уничтожить Таучубековское укрѣпленіе и строго наказать виновныхъ. «Экспедиція эта состоялась въ Маѣ мѣсяцѣ 1851 года, подъ руководствомъ генераль-адъютанта Анненкова, находившагося въ то время на ревизіи Западной Сибири. Отрядъ былъ собранъ въ Копальскомъ укрѣпленіи и 18 Мая выступилъ подъ начальствомъ подполковника Карбышева изъ Копала къ Таучубекову укрѣпленію. Результатомъ экспедиціи было занятіе и разрушеніе Коканскаго укрѣпленія. Непріятель, не выждавъ прибытія войскъ, оставилъ Таучубекъ. Воинственный видъ и отличное устройство нашего отряда, смѣлый переходъ чрезъ р. Иль, не смотря на сильное ея разлитіе и полное убѣжденіе Киргизовъ, спрятавшихъ паромы, что переправа невозможна, быстрый переходъ къ Таучубекову укрѣпленію, занятіе и уничтоженіе его, поспѣшный и безпорядочный побѣгъ Кичаковъ, составлявшихъ гарнизонъ, распространили ужасъ и трепетъ во всей странѣ, такъ что нравственное вліяніе было произведено экспедиціей полное.

«Согласно данной инструкціи, подполковникъ Карбышевъ, оставивъ пѣхоту для совершеннаго разрушенія Таучубекова укрѣпленія, самъ съ легкимъ отрядомъ отпавился 9-го Іюня, по направленію къ р. Чу, для

обрекогноспированія края и захвата виновниковъ прошлогодней измѣны. Отъ захваченныхъ двухъ Киргизъ, которые были высланы изъ Коканскаго укрѣпленія Пишпека для открытія Русскаго отряда, подполковникъ Карбышевъ узналъ, что между рр. Или и Чу нѣтъ ни кочующихъ Киргизовъ, ни Кипчакскихъ скопищъ. На этомъ основаніи онъ прекратилъ дальнѣйшіе поиски, и возвратился къ разрушенному уже Таучубекову укрѣпленію и оттуда обратно на Копаль».

Быстрота и рѣшительность нашихъ дѣйствій въ этой экспедиціи, столь рѣдкія вообще въ нашихъ дѣйствіяхъ съ Азіей, объясняются отчасти и тѣмъ, что въ этомъ вопросѣ министерство иностранныхъ дѣлъ не только не мѣшало, но даже содѣйствовало ей на томъ основаніи, что въ 1854 году должны были начаться переговоры въ Кульджѣ съ Китайцами объ установленіи Русской торговли на западной границѣ Китая. По этому сочли нужнымъ пострадать Киргизъ и Коканцевъ въ пограничныхъ съ Китаемъ мѣстностяхъ и тѣмъ придать вѣсу нашимъ требованіямъ.

Такъ какъ, не смотря на такія рѣшительныя дѣйствія, безпорядки въ Заилійскомъ краѣ все-таки не прекращались и необходимо было приступить къ рѣшительному дѣйствію относительно варварскихъ нашихъ сосѣдей, то генераль-адъютантъ Анненковъ, которому было между прочимъ поручено представить свои соображенія касательно устройства края и нашихъ границъ, составилъ по соображенію съ мѣстными свѣдѣніями записку, гдѣ предлагалъ главныя по его мнѣнію средства къ обезпеченію спокойствія на нашихъ границахъ.

«Краи этотъ, таково было мнѣніе генераль-адъютанта

Анненкова, представляет задатки будущности съ развитіемъ хлѣбопашества, скотоводства, установленіемъ правильной торговли съ Западнымъ Китаемъ и развитіемъ горнаго дѣла и золотопромышленности. Единственно что ему недостаетъ—это прочность экономическаго быта и безопасность отъ хищниковъ. Степныя укрѣпленія принесли уже много пользы въ этомъ отношеніи, но ихъ недостаточно для охраненія мирныхъ и намъ вполнѣ подвластныхъ Киргизъ и для поддержанія зачатковъ гражданственности въ краѣ». Для бѣльшаго обезпеченія, онъ предлагалъ устроить сообщеніе отъ Акмаловъ чрезъ Каркаралы къ Аягузу, и продолжать его до Кокбектовъ. Соединеніе это начато было еще въ 1837 году, но потомъ оставлено, вслѣдствіе возникшихъ въ 1838 году безпорядковъ отъ мятежныхъ дѣйствій Кенисары и по недостатку козаковъ и военныхъ средствъ въ краѣ. Послѣ представленія подполковника Веригина въ 1836 г. о необходимости провести прочную и надежную линію, вопросъ этотъ, вынужденный самыми обстоятельствами и положеніемъ степи, поднять былъ въ первый разъ.

Мнѣнія Анненкова заключались въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ:

Въ юго-восточной части степи, при прочномъ уже занятіи Копала, можно учредить одну передовую линію по р. Или, представляющей всѣ для этого удобства. Въ западной части степи свойство мѣстности южныхъ оконечныхъ пунктовъ нашихъ, Актау и Улутау, недопустило основанія постоянной передовой линіи ближе какъ на самой уже р. Чу, единственномъ, естественномъ рубежѣ въ сей части степи. Проводя крайніе предѣлы владѣній нашихъ въ Киргизской степи по рѣкамъ Или

и Чу, можно будетъ связать границу между этими двумя рѣками и къ западу продолжить ее до Сыръ-Дарьи по пескамъ, въ которыхъ рѣка Чу теряется.

Но для приведенія въ дѣйствіе этихъ предположеній необходимо прежде всего изслѣдовать рѣку Чу и озеро Балхашъ, до того времени рѣшительно намъ невѣдомыя. На это мнѣніе было замѣчено, что при существованіи уже Аральскаго укрѣпленія, это послѣднее могло бы служить опорнымъ пунктомъ праваго фланга предполагавшейся линіи и тогда же было предложено вновь назначенному генераль-губернатору Западной Сибири генераль-лейтенанту Гасфорту снестись съ Оренбургскимъ генераль-губернаторомъ Перовскимъ—касательно возможности проведенія нашей пограничной линіи къ Аральскому морю и къ устьямъ Сыра».

И такъ, къ 50-мъ годамъ событія въ степи Сибирскихъ Киргизовъ подвинулись на столько впередъ, что естественно не только давали возможность движенію со стороны Зауральской степи вверхъ по Сыру, но вызывали даже полную необходимость такого движенія на встрѣчу Сибирскимъ войскамъ, дабы осуществить давно задуманную цѣль, къ которой мы самими обстоятельствами вынуждены были стремиться — окаймить со всѣхъ сторонъ степь, стать на Сыръ и провести прочную удобную и безопасную государственную границу съ Средне-азіатскими владѣніями. Когда генераль-адъютантъ Перовскій вступилъ въ 1851-мъ году въ управленіе Оренбургскимъ краемъ, его первымъ дѣломъ было обратить все вниманіе на Сыръ-Дарью, на любимый и, какъ мы видѣли уже выше, давно имъ задуманный планъ. Обстоятельства благопріятствовали. Зауральскіе Киргизы были

выполнѣ покойны; степныя укрѣпленія обезпечивали движенія; Аральская флотилія умѣла достаточно уже ознакомиться съ нижними частями Сыра, а между тѣмъ неудобства стараго Аральскаго укрѣпленія, упущенныя прежде изъ виду, непрерывныя набѣги Коканцевъ на Сыръ-Дарьинскихъ Киргизъ и наконецъ созрѣвшее окончательно, послѣ 10-ти лѣтняго колебанія, убѣжденіе правительства въ необходимости соединенія Сибирской линіи съ Оренбургскою, настойчиво вызывали подвигаться впередъ.

Аральское укрѣпленіе (Раимъ) не могло, по неудобству своего положенія, защищать ни ближайшихъ переправъ, ни мѣстъ удобныхъ для покосовъ и пашень. Грабительскія шайки Киргизъ и Коканцевъ всегда имѣли возможность переправиться черезъ рѣку и являться неожиданно даже подъ самымъ укрѣпленіемъ, грабить нашихъ Киргизъ и потомъ безнаказанно удалиться за Сыръ-Дарью прежде, чѣмъ успѣвалъ нашъ отрядъ для ихъ преслѣдованія.

Справедливо находя такое положеніе дѣлъ въ высшей степени деморализующимъ наше вліяніе на подвластныхъ намъ кочевниковъ, начинавшихъ уже привыкать по немногу къ мирной жизни, и подрывающимъ ихъ довѣріе къ нашей силѣ, Перовскій рѣшился возвести фортъ при истокѣ Казалы, откуда вверхъ по рѣкѣ находятся всегда удобные для переправы пункты. Кромѣ охраненія кочующихъ здѣсь Киргизъ, гарнизонъ укрѣпленія могъ содѣйствовать къ облегченію переправъ Бухарскимъ караванамъ. 12-го Февраля 1852-го года высочайше разрѣшено было: заложить фортъ въ 45 верстахъ выше Аральскаго укрѣпленія (нынѣ фортъ № 1, Казала).

Между тѣмъ по всему теченію Сыръ-Дарьи, пользуясь

нашимъ бездѣйствіемъ и слабостью Сыръ-Дарьинскихъ Киргизовъ, Коканцы успѣли воздвигнуть цѣлый рядъ укрѣпленій (Яны-Курганъ, Джулекъ, Акмечеть, Кумышъ-Курганъ, Чимъ-Курганъ, Кошъ-Курганъ), цѣль которыхъ была держать въ повиновеніи Сыръ-Дарьинскихъ Киргизъ, собирать съ нихъ грабительски подати и собирать пошлину съ купеческихъ каравановъ. По мѣрѣ нашего движенія къ Сыру и умирненія нашей Зауральской степи, опасенія Коканцевъ, увеличивалась и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалась, въ виду нашего бездѣйствія, ихъ дерзость. Года 1850 и 1851 особенно были памяты набѣгами и грабительствомъ Коканцевъ. Дерзость Коканцевъ дошла до того, что они грабили Киргизъ въ 50 верстномъ разстояніи отъ Аральскаго укрѣпленія. Въ теченіе 1850 года Коканцы сдѣлали два набѣга на Киргизъ. При первомъ они угнали до 26,000 головъ скота и разграбили до 20 ауловъ, при другомъ же до 30,000. Хотя погнавшійся за хищниками отрядъ нашъ и успѣлъ вернуть часть угнаннаго скота, и взять приступомъ и разрушить Коканское укрѣпленіе Кошъ-Курганъ, однако это не остановило Коканцевъ. Въ слѣдующемъ 1851 году разрушенное укрѣпленіе было снова возобновлено, и около него кочевало до 600 Киргизскихъ ауловъ, приверженныхъ Коканцамъ. Эти Киргизы, подъ предводительствомъ Коканцевъ, снова напали въ Февралѣ мѣсяцѣ на нашихъ Киргизъ, кочевавшихъ въ Каракумскихъ пескахъ, и угнали у нихъ болѣе 70,000 головъ скота. Не прошло и года, какъ Коканцы снова напали на Киргизъ, угнавъ опять свыше 50,000 головъ скота. Всѣ эти хищническія шайки составлялись главнымъ образомъ изъ гарнизоновъ вышеупомянутыхъ Коканскихъ укрѣпленій и пред-

водительствовали ими начальник Акъ-Мечетскаго укрѣпленія—Якубъ-Бекъ.

Оставить въ такомъ положеніи дѣла не было никакой возможности. Намъ необходимо было доказать своимъ Киргизамъ, что они смѣло могутъ разсчитывать на наше покровительство и нашу защиту. Но разрушить одно укрѣпленіе ничего не значило, ибо разрушенныя укрѣпленія послѣ нашего удаленія немедленно вновь воздвигались. Требовалось ихъ дѣйствительно занять и не допускать возникнуть по близости нашихъ предѣловъ ни одному подобному разбойничьему притону. Силою обстоятельствъ мы должны были подвигаться вверхъ по Сыру.

Мы видѣли уже, что генераль-губернатору Западной Сибири Гасфорту повелѣно было снестись, касательно соединенія предполагаемой пограничной линіи Сибирской съ нашими укрѣпленіями на устьяхъ Сыра, съ генераломъ Перовскимъ. По мнѣнію генерала Гасфорта и пограничную линію слѣдовало бы вести отъ укрѣпленія Улутау по сѣверной окраинѣ голодной степи Бедъ-Пакъ-Дала, устьявъ ее укрѣпленіями отъ южной оконечности озера Балхаша до Улутау; Улутовскій же постъ, какъ ближайшій къ Оренбургской степи, могъ бы содѣйствовать и Оренбургскимъ укрѣпленіямъ, возведеннымъ около этихъ предѣловъ къ охраненію степи, прилегающей къ Оренбургскому, ежели его только связать съ ними промежуточными укрѣпленіями. Генераль Перовскій совершенно не раздѣлялъ мнѣнія Гасфорта касательно соединенія Улутау съ Аральскимъ укрѣпленіемъ и проведенія линіи по рѣкѣ Чу и окраинѣ голодной степи. Но, расходясь въ мнѣніяхъ, оба генераль-губернатора совершенно сходились въ мнѣніи о необходимости ознакомиться

ближе съ южными частями степи какъ Сибирскаго, такъ и Оренбургскаго вѣдомства, дабы тѣмъ вѣрнѣе потомъ можно было сообразить возможность соединенія двухъ линій. Дѣйствительно, съ 1852 года начались дѣятельныя рекогносцировки съ обѣихъ сторонъ.

«Въ Апрѣлѣ 1852 года Перовскій отправилъ съемочный отрядъ, который, не доходя до Акъ-Мечети, былъ остановленъ Коканцами. Начальникъ Коканскаго укрѣпленія рѣшительно воспротивился дальнѣйшему слѣдованію отряда. Получивъ это извѣстіе, Перовскій, для окончанія рекогносцировки и наказанія Коканцевъ, отправилъ полковника Бларамберга съ отрядомъ въ 350 челов., при 5 орудіяхъ. Отрядъ этотъ, выступивъ 3 го Іюля изъ Аральска, произвелъ рекогносцировку праваго берега р. Сыра, взявъ приступомъ наружное укрѣпленіе Акъ-Мечети и Чимъ-Курганъ, разрушилъ Кошъ-Курганъ и Кумышъ-Курганъ и 24-го Августа обратно вернулся въ Аральскъ. Попытка же его овладѣть самою Акъ-Мечетью хотя и имѣла на этотъ разъ успѣха, но значеніе ея было важно уже потому, что дало возможность вывести положительное заключеніе о мѣрахъ необходимыхъ для окончательнаго уничтоженія Коканскихъ укрѣпленій по правому берегу Сыръ-Дарьи.

Въ слѣдующемъ 1853 году Перовскій представилъ свои соображенія, о необходимости занятія прочнымъ образомъ Сыръ-Дарьи на протяженіи отъ устья ея до Акъ-Мечети. Онъ предполагалъ укрѣпиться въ Акъ-Мечети, въ 390 верстахъ отъ Аральскаго укрѣпленія, и между этими крайними лунками возвести три промежуточныхъ форта: Казалинскій, который уже былъ разрѣшенъ въ 1852 году, Кошъ-Курганскій и Чимъ-Курганскій. Укрѣп-

ленія эти хотѣлъ онъ возводить постепенно, начавъ съ Акъ-Мечети, которую хотѣлъ взять въ 1853 году. Казалинскій фортъ долженъ былъ быть возведенъ одновременно съ Акъ-Мечетью; остальные же два въ 1854 году. Неизвѣстно, на какомъ основаніи, но военный министръ не раздѣляя взгляда генерала Перовскаго, и полагая, что, не вдаваясь въ большія предпріятія, лучше было бы озаботиться устройствомъ степнаго хозяйства въ Аральскѣ и его окрестностяхъ, устроить Казалинскій фортъ и ограничиться только поисками на Акъ-Мечеть; не занимая этого пункта окончательно. Не смотря на эти возраженія, Перовскому было высочайше разрѣшена экспедиція противъ Акъ Мечети, которая 28-го Іюля была взята и переименована въ фортъ «Перовскій». Но какъ мы были еще неопытны и просты въ дѣлахъ съ Среднеазіатскими варварами, какъ боязливо, осторожно подвигались мы въ невѣдомыя намъ мѣстности, предполагая вѣроятно встрѣтить сильныя крѣпости и чуть не европейское войско! Осада Акъ-Мечети предпринята была тогда съ большими, сравнительно хоть напр. съ отрядомъ, дѣйствовавшимъ противъ Яны-Кургана въ 1864 году, средствами. Орудія были выбраны точно будто собирались осаждать европейскую крѣпость. Акъ-Мечеть немного была больше Яны-Кургана, а между тѣмъ ее взяли черезъ 22 дня съ значительною потерей людей, тогда какъ Яны-Курганъ взять былъ 2¹/₂ ротами пѣхоты и двумя сотнями Уральцевъ при 9 орудіяхъ въ 23 часа.

Потомъ мы скоро убѣдились въ качествахъ нашихъ Среднеазіатскихъ сосѣдей и извѣстное; знаменитое дѣло Огарева, коменданта новаго форта Перовскаго, гдѣ 500 человекъ гарнизона не только что отбили, но раз-

били 12,000 Коканцевъ, ознакомили насъ съ ними ближе и проложили намъ путь къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

Въ 1853 году Коканцы два раза пытались снова овладѣть Акъ-Мечетью, но всякій разъ безъ успѣха. Фортъ Перовскій предназначенъ былъ сдѣлаться центромъ Сыръ-Дарьинской линіи, которая подвинулась такимъ образомъ на 500 верстъ вверхъ по Сыру и охранялась, кромѣ форта Перовскаго, еще 3-мя фортами: Казалинскимъ (№ 1), № 2-мъ и 3-мъ.

Въ этомъ-же году произведена была рекогносцировка и генераломъ Гасфортомъ. Изслѣдовано было теченіе рѣки Чу, озеро Балхашъ, описаніемъ и изслѣдованіемъ котораго мы особенно обязаны г. Нифантьеву, и другихъ мѣстностей, которыя имѣлись въ виду при предположеніяхъ о проведеніи болѣе удобной границы и соединеніи съ Сыръ-Дарьинскою линіей. Изслѣдованія р. Чу и прилегающихъ къ ней мѣстностей имѣли весьма важныя послѣдствія уже тѣмъ, что заставили генерала Гасфорта совершенно перемѣнить свой взглядъ на предполагаемую имъ прежде пограничную черту по р. Чу и Боролдайскимъ горамъ, отдѣляющимъ ее отъ Сыръ-Дарьи и придти къ убѣжденію совершенно согласному съ мнѣніемъ Перовскаго, что только одна Сыръ-Дарья можетъ представить всѣ удобства и способы для устройства пограничной линіи. На этомъ основаніи Гасфортъ полагалъ необходимымъ сосредоточить въ южныхъ частяхъ степи, по возможности наибольшее число войскъ и военныхъ матеріаловъ, дабы быть всегда въ готовности оказать содѣйствіе войскамъ Оренбургскаго корпуса въ случаѣ ихъ дальнѣйшаго движенія вверхъ по Сыру и столкновенія съ Коканомъ. Къ концу, слѣдовательно, 1853 года вопросъ

о необходимости и возможности соединенія двухъ линій и проведенія пограничной черты по Сыру рѣшенъ былъ окончательно въ убѣжденіи двухъ нашихъ пограничныхъ съ Среднею Азіей вѣдомствъ, и осуществлялась мысль покойнаго Императора Николая Павловича, высказанная имъ еще въ 30-хъ годахъ.

Заялецкій.